

30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ТОННЕЛЬ ИЗ ПРОШЛОГО – В НИКУДА

В 2012 г. свое 80-летие отметила Байкало-Амурская магистраль. Но официально страна отмечает юбилейные даты только «нового» БАМа, строительство которого началось в 1974-м – в 2014 г. будет 40 лет. Потому что живые люди, которые строили «новый» БАМ, а тех, кто прокладывал первые просеки и километры «старого» БАМа, давно уже нет в живых и они уже никогда не смогут напомнить о себе. Но о них помнят потомки.

«30 октября» в № 9/2000 подробно писала об истории тоннеля. За прошедшее с публикации время около заброшенного тоннеля БАМа образовалась свалка бытовых отходов, но по частной инициативе там же был поставлен памятный знак в честь первопроходцев. Об этом «30 октября» написала инициатор идеи сохранения тоннеля как памятника эпохи Марина Кузьмина.

Напомним: первоначально строительство Байкало-Амурской магистрали было возложено на наркомат путей сообщения, который как строительная организация себя не оправдал. В постановлении СНК Союза ССР от 25 октября 1932 г. «Об объектах строительства, выполняемых силами ОГПУ» было предложено считать строительство Байкало-Амурской магистрали одной из основных работ ОГПУ. Приказом по ОГПУ от 10 ноября 1932 г. был образован БАМлаг.

Строительство железной дороги Комсомольск–Совгавань началось в октябре 1939 г. силами Нижне-Амурского железнодорожного лагеря. На трассе были сосредоточены 24 лагерных городка, 6200 человек.

Через реку Амур началось строительство железнодорожного моста длиной 2,5 километра. Переходя через реку, мост упирался в сопку. Нужен был тоннельный переход. Его строительство началось в 1940 г., но было остановлено в начале 1941 г., потому что Нижне-Амурлаг должен был сосредоточить рабочую силу на других объектах. Когда в 1943 г. строительство железной дороги Комсомольск–Совгавань было возобновлено, вопрос о мосте через Амур и тоннеле уже не стоял. В строй вошли паромная переправа и ледовая дорога.

...Всего на БАМе было построено 142 моста и мостовых перехода и 9 тоннелей. Но Амурский тоннель навсегда останется памятником эпохи как первый тоннель БАМа.

Что такое БАМ сегодня? Это железнодорожная магистраль от Тайшета до Совгавани протяженностью 4341 километр.

«Адрес» тоннеля: Хабаровский край, Комсомольский район, сельское поселение Пивань.

С начала 1990-х годов были открыты архивы лагерных ведомств, и исследователи получили возможность ознакомиться с документами, в том числе и о строительстве тоннеля на правом берегу Амура. Материалы о тоннеле, в которых

Продолжение на с. 4 ➤

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН – ШАГ К НАШЕЙ СВОБОДЕ

29 октября, накануне государственного Дня памяти жертв политических репрессий, Общество «Мемориал» в шестой раз организовало на Лубянской площади Москвы акцию «Возвращение имен».

Сменяя друг друга, люди с зажженными свечами выходили к микрофону, стоявшему рядом с Соловецким камнем, и зачитывали имя, возраст, профессию, дату расстрела. Листы с несколькими именами расстрелянных в годы Большого террора москвичей волонтеры раздавали всем вставшим в очередь. Многие к этим именам добавляли имена своих родных, поясняя: «мой отец расстрелян», «мой дед погиб в лагере», «моя тетя замучена в тюрьме»...

Акция продолжалась с 10 утра до 10 вечера. В Интернете велась прямая видеотрансляция. За 12 часов прозвучало более 3200 имен. Несмотря на холодную промозглую погоду, в мероприятии приняло

участие раза в два больше людей, чем в предыдущие годы, – порядка тысячи человек. Чтобы подойти к микрофону, они по 2–3 часа стояли в очереди. Многие, особенно те, кто был с детьми, уходили не довольные – холодно.

«Тоталитарное государство не просто убивало людей – оно стремилось вычеркнуть их имена из истории, уничтожить всякую память о них. Возвращение имен, возвращение памяти об обогнанных и убитых – это отрицание диктатуры, это наш долг и шаг к нашей свободе, к освобождению от груза прошлого, это наш способ борьбы за человеческое достоинство», – объясняет цель акции в своем пресс-релизе «Международный Мемориал».

Я пришел к пяти вечера и стоял в очереди из трех сотен человек три часа, прежде чем подойти к микрофону и «возвратить» четыре имени: Морозов Александр Иванович, 42 года, конюх Петровского спиртзавода, расстрелян 10 июля 1938 г. Морозов Василий Селиверстович, 60 лет, слесарь на Волоколамском кирпичном заводе, расстрелян 31 октября 1937 г. Морозов Иван Григорьевич, 45 лет, корректор в Первой типографии наркомата путей сообщения, расстрелян 21 октября 1937 г. Морозов Михаил Кузьмич, 50 лет, сторож колхоза имени Куйбышева, расстрелян 30 августа 1937 г.

Стало интересно, какие тяжкие преступления могли совершить конюх, слесарь, корректор и сторож? Посмотрел «Книги памяти». У всех четверых был, по мнению власти, слишком длинный язык. Конюх Морозов «врал», что в его деревне голод, другие также «гнусли клеветали против советской власти».

«Я пришла сюда, потому что мои дед и прадед были расстреляны», – рассказывает корреспонденту «30 октября» Наталья Ким. – «Прадед по материнской линии, Иона Эммануилович Якир, был командармом – казнен в 37-м со всей военной верхушкой. А по отцовской линии расстрелян в 38-м дед Ким Чер Сан. Он был корейцем, переводчиком. Если, даже предположительно, мозилу Якира никогда не отыщем, то корейцев убивали на Бутовском полигоне. Я прихожу сюда каждый год, читаю эти имена, потому что думаю, что от подавляющего числа людей, расстрелянных во время красного террора, осталось только это – фа-

В НОМЕРЕ:

Поиск исторической правды и судьбы героев... пробитых пулями 2

Типограф «хроники текущих событий» 5

Кто строил московское метро 9

«Потерянная история: воспоминания о репрессированных женщинах» 10

милia, имя, возраст и род занятий. У многих не осталось даже могил. Не приходит сюда, мне кажется, – предать их память.

Помимо того, я привожу сюда своих детей. Я им рассказывала о нашей семейной истории, чтобы они понимали, что это было страшно, что мы должны делать все, дабы это никогда не повторилось. Ведь реально-сти таковы, что их сравнивают с 37-м годом, возвращением репрессий, пыток, несправедных судов. Многие не приветствуют, когда детей берут на подобные акции. Но я это делаю не для того, чтобы продемонстрировать: «Вот я какая крутая, мои дети страшно политизированные». Просто я полагаю, что для того, чтобы дети все это поняли, надо не только

Продолжение на с. 2 ➤

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

О жертвах политических репрессий в конце октября вспоминают во многих городах и регионах России. Мероприятия, прошедшие в этом году по всей стране, имели не только траурную окраску. Люди, пришедшие почтить память погибших, обеспокоены нарастающими тенденциями повторения страшных событий.

В заявлении «Международного Мемориала» от 30 октября, говорится: «Мы отмечаем 30 октября не только как День памяти жертв политических репрессий, но и как День политзаключенного уже в современной России».

События последних недель показывают, что в диалоге с оппозицией российская власть намерена использовать главным образом язык репрессий – арестов, судов, лагерей. Вновь, как в 1920–1930-е годы, востребован опыт фабрикации политических процессов. Снова в ходу заклинания про «иностранных агентов». Востребован оказался и свежий «кавказский» опыт похищения людей и секретных тюрем.

Россию вновь толкают на привычный и трагический путь». «Мемориал» призвал общественные силы к отказу от насилия во всех его формах, «к спокойствию, мудрости и стойкости. Мы в состоянии защитить свободу, опираясь на право, а не на силу».

Воркута

Ежегодно на Шахтерской набережной у закладного камня жертвам политических репрессий 30 октября проходит митинг памяти. Вот и в этом году более 300 человек собралось на высоком берегу реки Воркута. Первым взял слово гость города экс мэр Воркуты, президент Союза городов Заполярья и Крайнего Севера России, член

Общественной палаты РФ Игорь Шпектор. Также на мероприятии присутствовал вновь вступивший в должность руководителя администрации Евгений Шумейко. В своем выступлении он отметил, что воркутинская земля впитала в себя боль и страдания безвинно погибших.

«Каждый год мы собираемся здесь, чтобы отдать дань уважения

погибшим, плачем, вспоминаем страшные периоды истории. Но это наша история, и мы должны помнить ее, изучать и передавать последующим поколениям, чтобы то, что произошло тогда, не повторилось».

Глава города Юрий Сопов отметил, что Воркута особенно пострадала в то тяжелое время:

«Но люди, которые попадали в лагерь, продолжали жить, сопротивлялись этому режиму. Они не только выжили, но и построили прекрасный город, а главное, не просто построили – сумели его полюбить. Ведь город не виноват, он тоже стал жертвой тоталитарной системы».

С обращением к присутствующим выступил председатель совета мусульман Воркуты Махмудпанди-хазрат, имам-хатыб. Традиционно в завершение митинга прочитали поминальную молитву и провели панихиду.

Татьяна АНДРЕЕВА

Чистополь

День памяти жертв тоталитарного режима прошел в городском сквере, где установлен гранитный памятник, посвященный жертвам коммунистического террора.

Участвовали более 100 человек, в основном дети репрессированных. На митинге присутствовали представители городской администрации и депутаты горсовета.

После выступлений членов Чистопольского отделения «Мемориала» и самих жертв сталинских репрессий были возложены цветы, и акция памяти имела продолжение в профилактории для ветеранов. В конференц-зале сотрудники мемориального музея Б.Пастернака организовали выставку документов из следственных дел, фотографий репрессированных и расстрельных мест, а также различных изданий по теме «ГУЛАГ в прошлом и в наши дни», посвященную 75-летию начала Большого террора. Выставка сопровождалась лекцией председателя Чистопольского отделения «Мемориала».

Рафаил ХИСАМОВ

Воронеж

В Воронеже День памяти жертв политических репрессий был отмечен траурным митингом памяти на мемориальном кладбище Дубовка – месте перезахоронения 2369 жертв коммунистического террора.

Утром из центра города шесть автобусов с участниками митинга отправилась в Дубовку, где в этом

Продолжение на с. 2 ➤

ПОИСК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И СУДЬБЫ ГЕРОЕВ... ПРОБИТЫХ ПУЛЯМИ

В конце 1930-х — начале 1940-х годов жертвами политических репрессий стали более 20 тысяч жителей Тульской области. Точное число жертв из других регионов нашей страны, сосланных в область на тяжелые рудниковые работы, еще уточняется. Многие упокоены в Тесницком лесу. Как рассказывают туляки — место страшное, сплошная могила. Однако 30 октября, в день памяти мрачных страниц сталинского периода, тут многолюдно, а в православном храме идет служба. Вспомнить, не забыть всех поименно помогает «Книга памяти жертв политических репрессий Тульской области», которая выпущена областным отделением Историко-просветительского общества «Мемориал» в четырех томах, а в настоящее время ведется активная работа над пятой частью издания.

В беседе с корреспондентом С.Л.Щеглов рассказал о буднях Тульского отделения «Мемориала», о том, как прошла презентация четвертого тома книги и кто стал ее героем, а также что его самого связывает с периодом сталинских репрессий.

Сергей Львович ШЕГЛОВ, бессменный руководитель Тульского «Мемориала», подготовил четыре тома «Книги памяти жертв политических репрессий Тульской области», 15 документально-художественных, историко-краеведческих и литературоведческих книг и брошюр. Среди них очерк-воспоминание «Сталинская премия», опубликованный в сборнике «Правда о ГУЛАГе» (Тула, 1990 г.), повесть «Черный треугольник» посвящена разоблачению сталинских репрессий. За эту работу Сергей Львович Щеглов вторично удостоен премии имени Г.И.Успенского (1991 г.).

Страна поломанных судеб

— В Тульской области каждый год проходят памятные мероприятия, в том числе и в месте массовых захоронений, в Тесницком лесу. Расскажите о том, как все прошло в этом году?

— В этот день в Туле и в некоторых других городах области состоялись торжественные траурные мероприятия, посвященные Дню памяти жертв политических репрессий. Возле закладного камня-памятника «Жертвам политических репрессий» прошла панихида по погибшим, состоялся траурный митинг, были возложены цветы.

Затем были зачитаны имена жертв политических репрессий из «Книг памяти», изданных «Мемориалом». В это время священники тульских храмов проводили службу заупокойной литии.

Мероприятия продолжались 4 часа, несмотря на дождь и холод. После этого участники на двух автобусах отправились в Тесницкий лес, где находятся захоронения расстрелянных. Митрополит Тульский и Ефремовский Алексей провел там панихиду.

Траурные мероприятия посетили губернатор Тульской области Владимир Сергеевич Груздев и другие официальные лица. Всего собралось около 200 человек. Выступали члены «Мемориала», представители администрации. Затем прозвучал реквием «Плач русского леса», автором музыки которого является тульский композитор Владимир Фоменко, а стихи к нему написал поэт Владимир Лазарев.

Звучали и стихи, посвященные этому месту массовых захоронений, которые прочитали представители «Мемориала» и другие приглашенные.

— Известно, что усилиями Общества «Мемориал» издано четыре тома «Книги памяти». Расскажите, где можно ознакомиться с изданием серии?

— Работа над четвертым томом книги велась около года, при том, что этот том по своему объему значительно превысил предыдущие три части книги о жертвах политических репрессий области. («30 октября» писала подробно об этом в № 108. — Примеч. ред.)

В ней представлены списки реабилитированных жителей Тульской области, раскулаченных в начале 1930-х годов, позже реабилитированных в разные годы. Среди них имена более 1800 раскулаченных крестьян и более 170 репрессированных по политическим мотивам. Списки реабилитированных крестьян предоставило «Мемориалу» УВД Тульской области. Остальные материалы собраны членами правления и активистами у родственников пострадавших от репрессий и по архивным источникам.

Книга содержит воспоминания, рассказы, очерки различных людей, для которых события стали судьбоносными и отразились на всех последующих поколениях. В книге также изложена история двадцати двух лет работы Тульского отделения «Мемориала».

Мы распространили четвертый том, выпущенный тиражом 500 экземпляров, по всем библиотекам Тулы и Тульской области. Очень много жителей области, среди которых родственники пострадавших от репрессий, пожелало приобрести для себя этот том книги — мы подарили им.

— Попали ли в четвертый том книги имена известных в стране людей?

— Да. Напечатан очерк о поэте Ярославе Смелякове, который отбыл срок в Тульской области. Много информации о Николае Вознесенском, являвшемся заместителем Иосифа Сталина (академик АН СССР, член Политбюро, заместитель председателя Совета министров в 1946—1949 гг. — Примеч. ред.). Вознесенский по происхождению был из Тульской губернии и его расстреляли после войны. Кроме того, в данном томе напечатаны воспоминания о Федоре Челищеве, Андрее Рогове. Много рассказов об известных деятелях Тульской области, в т. ч. о священнослужителях. В четвертом томе много иллюстраций, а также как дополнение к нему прилагается буклет-справочник, подробно рассказывающий о месте массовых захоронений расстрелянных в 1937—1938 гг. в Тесницком лесу.

Хотелось бы отметить, что в оформлении и редактировании четвертого тома издания принимали участие Ирина Павлова, Елена Серегина, Людмила Устинова, Владимир Саксонов, Евгений Степунов и другие члены «Мемориала». Я являюсь главным составителем и редактором.

— Насколько известно, списки реабилитированных ежегодно пополняются. Будет ли продолжение книги?

— Материалы для пятого тома уже практически готовы. Более того, у нас уже есть материалы и на шестой том. Это происходит благодаря тому, что продолжается реабилитация жертв политических репрессий.

Данная работа проводится областным управлением внутренних дел, и «Мемориалу» каждую неделю приносят новые списки реабилитированных людей. Сейчас это люди различных национальностей из различных регионов страны, которые в годы войны, будучи репрессированными, работали в Тульской области. В основном это немцы Поволжья, калмыки, крымские татары, болгары и другие. Эти люди семьями ссылались в начале войны по национальным признакам. Многие из них погибли на тяжелых работах в рудниках и шахтах. Точное число репрессированных устанавливается, так как данные были засекречены до нынешних дней и недоступны для исследований. Они хранятся под грифом «Секретно» в фондах Государственного архива Тульской области.

Имена этих людей будут опубликованы в пятом томе книги.

Право на доброе имя

— Расскажите о рабочих буднях Тульского «Мемориала»: чем он живет, какие проблемы переживает?

— За 22 года работы было много и было сделано много такого, что попадет в историю. В первую очередь работа связана с поиском и оформлением документов по восстановлению законных прав людей, необоснованно репрессированных, раскулаченных, выселенных по национальному признаку и по многим другим причинам в разные годы. Занимаемся изучением трагических судеб этих людей.

Сейчас деятельность «Мемориала» протекает в довольно трудных условиях, что обусловлено в первую очередь нехваткой денежных средств.

Мы издали четвертый том на деньги, которые получили, выиграв грант администрации города Тулы. Это существенно помогло в работе — мы смогли расплатиться с издательством. Вся работа по составлению четвертого тома, как и предыдущих трех томов, проведена безвозмездно членами «Мемориала».

Администрация Тульской области вновь обещала помочь, в том числе на составление пятого тома книги.

За годы работы «Мемориала» в Тульской области была создана библиотека, уникальная по своей тематике, которая продолжает пополняться.

Вся деятельность общества ведется в контакте с областной комиссией по восстановлению прав реабилитированных жертв репрессий, с прокуратурой области, УВД и ФСБ по Тульской области. Без их помощи была бы невозможна работа по розыску документов о людях, погибших в лагерях и ссылках.

— Ваша деятельность как-то связана с вашей личной судьбой? Мне

кажется, что настолько искренне и глубоко могут переживать только те люди, кто ощутил все кошмары того режима на себе...

— Работа связана и с моей судьбой, правильнее сказать, с судьбой моей семьи. Мои родители, отец и мать, были арестованы в 1937 г. Мать арестовали за то, что она, будучи очень верующим человеком, посещала церковь. Она была осуждена постановлением Особого совещания НКВД по страшной формулировке «за контрреволюционную деятельность» на 10 лет. Отсидев полный срок заключения, она умерла в лагере в больнице, будучи вольнонаемной без права выезда.

Отец был осужден в 1937 г. «за участие в эсеровской деятельности» и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в том же году.

Меня арестовали в 1941 г., на следующий день после начала войны. Обвинение было необоснованным, но это в то время не имело значения. Постановлением НКВД по статье «контрреволюционная агитация» я был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ в лагере в Норильске.

Эти годы я проработал на строительстве Норильского комбината. После окончания срока нельзя было покидать Норильск до особого распоряжения. Поэтому я остался там работать на горно-металлургическом комбинате, прожил в этом городе 19 лет.

Выехать с семьей смог только в 1961 г. С тех пор я живу и работаю в Тульской области.

— Как вы думаете, в современной России возможно повторение событий сталинских репрессий, когда осужденным мог оказаться любой гражданин?

— Я думаю, что в тех формах, в каких это было при советской власти, повторение трагедии уже невозможно. По крайней мере, мне хочется на это надеяться. Для того чтобы не повторять ошибок прошлого, нужно объединиться, рассказывать о случившемся потомкам.

У «Мемориала» в Тульской области много активистов, добровольных помощников. В основном это родственники жертв репрессий. Но к нам приходят и молодые люди, которые интересуются историей родного края, сочувствуют нашей деятельности и помогают в работе. Отрадно, что во все времена находятся люди, которые пытаются восстановить справедливость.

Карина ГАДЖИЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Фото Павла Понарина
На снимке: Сергей Щеглов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН — ШАГ К НАШЕЙ СВОБОДЕ

➤ Продолжение. Начало на с. 1

объяснять на словах, но и показывать, что вокруг многие думают так же как я и оставшиеся в живых мои родственники», — добавила Наталья.

«Дед, бывший счетоводом в колхозе, сидел пару лет в начале 50-х, но при своей жизни никогда об этом не рассказывал, поэтому неизвестно, за что его посадили или ни за что. Бабушка Нюша как-то работала в поле с другими «бабами».

К ним подошли приезжие начальники и спросили: «Как у вас дела в колхозе?» А бабушка ответила: «Рождь, пшеницу отправили за границу, а цыганку-лебеду — колхозникам на еду». В тот же день ее искали люди на черном автомобиле, но сельчанки не выдали, помогли переехать и спрятаться. Я прихожу сюда каждый год почтил память безвинно погибших от пуль и бесчеловечных пыток людей. Я плачу всегда в этот день, потому что

те зверства не уместятся в сознании, вырываются слезами наружу». И я прихожу, чтобы показать людям, работающим холодной головой здесь через дорогу: «Мы все помним. Мы не забыли и не простили, ни прошлое, ни то, что творите сейчас. Ни Мандельштама, ни Политковскую. Мы сделаем все, чтобы всем воздалось по делам их».

Сквер, где проходила акция, был закрыт передвижным металлическим ограждением и оцеплен полицией. Несмотря на то, что в нескольких метрах от Соловецкого камня находятся выходы из станции метро «Лубянка», люди, среди которых было много пожилых и детей, вынуждены были делать большой крюк, так как про-

ем в ограждении полиция сделала только в одном месте, со стороны Политехнического музея.

Возле Соловецкого камня 29 октября художник Хаим Сокол организовал мероприятие «Живой архив. Письма». Из архива «Мемориала» он выбрал несколько десятков писем заключенных ГУЛАГа и их близких. Всем желающим предлагалось на видеокамеру зачитать по одному выбранному письму. «Мы хотим, чтобы в наших голосах, читающих старые письма, звучали эхом «голоса, ныне умолкшие», — поясняет Хаим Сокол.

«1937. При произношении этого числа замораживает дыхание и я мысленно вижу бредущего по серому каменному коридору человека в серой ра-

ной одежде и свисающим до середины щеки глазом — из «Архителага ГУЛАГа» Солженицына. Это лицо с вислицим глазом стало для меня символом сталинской эпохи».

По данным «Мемориала», жертвами Большого террора в 1937—1938 гг. только в Москве стали более 30 тысяч человек. В течение двух лет по политическим обвинениям в СССР были расстреляны более 700 тысяч человек — в среднем государство ежедневно убивало тысячу своих граждан.

30 октября, День политзаключенного, москвичи отметили на Пушкинской площади митингом в

Продолжение на с. 9 ➤

➤ Окончание. Начало на с. 1

году к 2369 перезахороненным ранее расстрелянным в Воронеже гражданам присоединятся еще 320, останки которых были извлечены летом поисковой организацией «Дон» из семи расстрельных ям. В этот день состоялось их торжественное захоронение. После выступления представителей Воронежской областной думы, администрации города и Воронежского «Мемориала» состоялась православная панихида и возложение венков и цветов к братским могилам. Признание вины государства, долг граждан и органов власти в сохранении памяти о жертвах репрессий, и в частности создание «Книги памяти» репрессированных воронежцев, обустройство мемориального кладбища расстрелянных в Дубовке, архивная работа по установлению имен расстрелянных, покоящихся в Дубовке, — вот основ-

леса». Член Тульского «Мемориала» Надежда Тюленева читала свои стихи. С речами выступили члены «Мемориала» и представители администрации.

Сергей ЩЕГЛОВ

Оренбург

В Музее истории города прошло собрание оренбуржцев, чьи судьбы отмечены трагедиями незаконных репрессий в отношении их родственников. Собрание и «круглый стол» для родственников организовала директор музея Роза Чубарева.

В Зауральной роше города, прошло памятное мероприятие, в котором приняли участие заместитель главы города, представители православного и мусульманского духовенства, казачества Оренбуржья, оренбургское студенчество, горожане и гости нашего города — все те, кому дорога память о предках своих.

Александр РОЖДЕСТВИН

ставители администрации города и запретили производить установку памятного знака в честь репрессированных по этническому признаку советских финнов. По мнению администрации, для установки камня с памятной надписью за городской чертой и в непосредственной близости к могилам тоже требуется разрешение. Этот камень планировалось установить вблизи уже имеющегося креста и другого камня.

По словам сотрудников полиции, основанием для вынесения предупреждения явилось обращение в полицию главы Кировска М.В.Горбачева.

Что за ветры подул на кировских чиновников, которые вдруг озаботились законностью традиционных поминальных мероприятий и законностью существования на кладбище памятных знаков в память о жертвах политических репрессий?

Юрий ИГНАТЬЕВ

Владимир

30 октября в России в двадцать первый раз проведен День памяти жертв политических репрессий.

Накануне и в этот день Владимирское региональное отделение «Мемориала» совместно с представителями городской администрации, сотрудниками музея ВПО «Точмаш», Владимиро-Суздальского музея-заповедника, учителями и старшеклассниками некоторых школ провело ряд мероприятий, посвященных памяти репрессированных жителей области.

В музее ВПО «Точмаш» особое внимание группы экскурсан-

школьники, учителя, студенты, члены общественных организаций и сотрудники государственных учреждений, репрессированные и их родственники, — все они стояли под холодным дождем, не расходясь до окончания церемонии. Выходя к микрофону, все отдавали свои зонты участникам, стоявшим рядом, а мужчины снимали головные уборы, отмечают участники акции в Пензе.

Татьяна АЛФЕРТЬЕВА

Панихидой и траурным митингом отметили День памяти жертв политических репрессий в **Биробиджане**. К памятному Поклонному кресту, установленному на территории Благовещенского кафедрального собора, были возложены цветы. Перед горожанами выступила дочь репрессированных Лидия Тарасова, родившаяся и выросшая на спецпоселении.

Службу в память о соотечественниках, замученных, расстрелянных, лишенных всех прав в тюрьмах, лагерях и ссылках, провел епископ Биробиджанский и Кульдурский владыка Иосиф. Он призвал биробиджанцев вспомнить о невинных жертвах и помолиться о них.

По информации РИА ЕАОmedia

Около семидесяти человек почтили память жертв политических репрессий во **Владивостоке**. Митинг памяти и скорби прошел у памятного камня на Второй речке, где раньше располагался пересыльный лагерь. Жители краевой столицы

территории российской части мемориала состоялся торжественный митинг, который открыл директор мемориала Владимир Теслин. Он отметил важность происходящего события, когда потомки жертв репрессий могут свободно говорить о подвиге терпения и мужества своих близких и несправедливости и жестокости власти, лишившей их жизни.

Завершением мероприятия стали заупокойная лития по всем невинно убиенным гражданам и возложение венков и цветов на русской и польской частях Катынского мемориала.

По информации Смоленской епархии

В **Магадане** 30 октября состоялось возложение цветов к монументу «Маска скорби» работы Эрнста Неизвестного. В церемонии приняли участие представители областных и городских властей, общественных организаций, духовенства, учащиеся.

В **Рязани** на кладбище лагеря НКВД 178-454 был открыт памятный знак рязанцам, ставшим жертвами советского государственного террора. Авторы памятного знака — рязанские скульпторы и дизайнеры Василий Горбунов и Полина Бояринова.

В церемонии приняли участие представители администрации города Рязани, областной комиссии по реабилитации, Общества «Мемориал», Ассоциации жертв политических репрессий, театральные деятели из Рязани и Скопина, члены Союза писателей, жители города и области.

Состоялась премьера видеверсии спектакля «Гуссенбах-Кочугурки», посвященного судьбе советских немцев, депортированных НКВД из Поволжья на шахты Скопинского района Рязанской области.

По информации интернет-портала «Права человека в России» hro.org

В **Самаре** 30 октября в рамках мероприятий, посвященных Дню памяти жертв политических репрессий, в парке им. Ю.А.Гагарина состоялось открытие новой скульптурной композиции. После минуты молчания глава Самары Дмитрий Азаров вместе с председателем городской общественной организации защиты жертв политических репрессий, пенсионеров и инвалидов «Реабилитация» Александром Шмаковым открыли новую скульптурную композицию «Спас». Ее автором является заслуженный художник РФ, председатель правления регионального отделения Союза художников России Иван Мельников.

У Соловецкого камня на **Троицкой** площади **Санкт-Петербурга** прошел митинг памяти жертв политических репрессий в России. Отдать дань памяти погибшим политзаключенным пришли члены петербургских общественных организаций «Мемориал» и Ассоциации жертв необоснованных репрессий. Петербургский «Мемориал» организовал поездку на Койранкангас — урочище на территории Ржевского полигона, где в 2002 г. при проведении ремонтных работ было найдено захоронение нескольких тысяч человек, расстрелянных в годы Большого террора, а вечером во дворе музея Ахматовой зачитывали имена репрессированных.

В **Ульяновске** возле мемориала жертвам политических репрессий День памяти был проведен не в виде привычного пикета, а как собрание единомышленников. Собравшиеся зажгли свечи, которые, несмотря на ветреную погоду, все равно горели. Присутствующие родственники вспоминали о своих предках, пострадавших от сталинского террора.

Фото из архива поисковой организации «Дон»
На снимке: перезахоронение в Воронеже останков 320 расстрелянных, найденных летом этого года

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

ные темы траурных выступлений.

Накануне этого дня в областной библиотеке им. И.С.Никитина состоялось открытие выставки литературы, фотографий и документов, связанных с эпохой Большого террора в Воронеже. Ее организовал отдел краеведения библиотеки при содействии Воронежского «Мемориала» и Воронежского Свято-Тихоновского православного братства.

Вечером 28 октября в Доме актера состоялся вечер памяти жертв политических репрессий, организованный этими же организациями.

А 30 октября после свершившегося захоронения в Дубовке этим же братством совместно с «Мемориалом» в центре города на площади И.С.Никитина после краткой литии было организовано семичасовое чтение списков воронежцев — жертв политических репрессий, в котором смогли принять участие все желающие граждане.

Вячеслав БИТЮЦКИЙ

Тула

Утром 30 октября в областном центре была совершена панихида в память о погибших. Ее провели у памятного знака в честь жертв политических репрессий. Потом состоялся траурный митинг с возложением цветов и гирлянд, звучал реквием, написанный композитором Владимиром Фоменко на слова поэта Владимира Лазарева. После этого в течение четырех часов читали имена расстрелянных и умерших в лагерях, занесенных в «Книгу памяти» жертв репрессий. Эта акция в Туле была проведена впервые. Надеемся, что, как и в Москве, она станет традиционной.

В этот же день на месте массовых захоронений расстрелянных в Тесницком лесу под Тулой митрополит Тульский и Ефремовский Алексей совершил литию, на которую собрались сотни жителей области во главе с губернатором Владимиром Груздевым. Митрополит произнес взволнованную проповедь в память о жертвах сталинских преступлений, звучала музыка реквиема «Плач русского

Кировск

В Кировске Мурманской области заместителю председателя общественной организации Хибинское общество «Мемориал» Юрию Викторовичу Игнатьеву было вынесено предостережение о недопустимости «нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, пикетирования» (ст. 20.2 КРФоАП). Поводом для вынесения данного предостережения послужило запланированное на 27 октября с.г. ежегодное традиционное мероприятие, посвященное Дню памяти жертв политических репрессий — 30 октября.

Место для проведения мероприятия расположено за городской чертой на холме, в непосредственной близости от старого городского кладбища, где Хибинское общество «Мемориал» в 1989 г. установило поминальный крест и с тех пор ежегодно в День памяти жертв политических репрессий 30 октября проводит траурные мероприятия. Примечательно, что фактический запрет на проведение мероприятия вынес глава города Кировска Михаил Горбачев, который в прошлом году сам выступал на подобном митинге.

27 октября планировалось на этом же месте открытие памятного знака — кладбищенского камня с надписью на русском и финском языках в память о репрессированных в 1930-е годы этнических финнах. Это граждане тогдашней советской России, проживавшие преимущественно на территории Ленинградской области и высланные в Хибиногорск (Кировск). Финны в 1930-е годы среди всех высланных были третьей по величине после русских и украинцев этнической группой. Надписью на камне является цитата из Библии на русском и финском языках и упоминание о том, что он установлен в память о жертвах политических репрессий.

26 октября к месту расположения поминального креста приехали полиция, представитель ФСБ, пред-

тов привлек стенд, посвященный директору завода К.Ф.Гроднеру и трем его заместителям, расстрелянным в 1937 г.

Во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике прошла выставка, посвященная святоиносповеднику Афанасию (Сахарову). Он провёл в тюрьмах, лагерях и ссылках 22 года, из них более четырех лет — на Соловках. Находясь в заключении, он вел переписку с 700 адресатами, поддерживая их в стойкости своей веры. В 2000 г. Афанасий был канонизирован.

В школе № 25 силами «мемориальцев», учителей и учеников старших классов были сделаны стенды о деятельности «Мемориала», представлена литература о политических репрессиях и реабилитации репрессированных.

30 октября, после панихиды в церкви Богородице-Рождественского монастыря, у Поклонного креста состоялся траурный митинг. На нем выступили глава города С.В.Сахаров, глава администрации г. Владимира А.С.Шохин, председатель Владимирского «Мемориала» П.П.Гетто.

Альберт СЕМЕНОВ

Пенза

В центре Пензы у памятника жертвам государственного террора советской эпохи прошел митинг памяти «Возвращение имен».

Люди, пришедшие вспомнить жертв политических репрессий, —

собрались на месте бывшего пересыльного пункта для того, чтобы вспомнить политзаключенных, несправедливо осужденных своих отцов и прадедов.

По информации PrimaMedia

В **Волгограде** 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, на площадке между педагогическим и политехническим университетами состоялся поэтический митинг, организованный активистами волгоградского «Левого фронта».

Траурные мероприятия, приуроченные к этой дате, по всей России проводятся с 1991 г. Вспоминали узников совести, коих было немало при любой власти: к сожалению, времена политических репрессий не остались в прошлом, считают организаторы митинга. В современной России тоже есть политзаключенные — от Александра Смирнова, Валентина Урусова до Михаила Ходорковского, Pussy Riot и участников митинга 6 мая.

По информации интернет-портала «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru

В **Катыни** 30 октября прошли траурные мероприятия, собравшие жертв репрессий, их потомков и всех, кто захотел выразить свое почтение и отдать долг памяти невинно убиенным.

В 9 утра в храме-памятнике в честь Воскресения Христова прошла божественная литургия. На

ТОННЕЛЬ ИЗ ПРОШЛОГО – В НИКУДА

➤ Окончание. Начало на с. 1

автор статьи предложил считать этот тоннель памятником эпохи, в середине 1990-х годов были опубликованы в печати, в том числе в газете Комсомольского района «Советское Приамурье», то есть администрация Комсомольского района должна была быть в курсе того, что на ее территории находится уникальный исторический объект.

Тем не менее, она не возражала, когда между администрацией села Пивань и садоводческим некоммерческим товариществом «Пивань» КЭТУС в 2002 г. был заключен договор аренды на использование территории около тоннеля под свалку бытовых отходов, продленный в 2007 г.

В 2004 г. в Пивани работал школьный историко-краеведческий лагерь, организованный Комсомольским на-Амуре отделением «Мемориала». Когда участники лагеря увидели первые полосы отходов, сваливающиеся сверху прямо к входу в тоннель, они написали письмо главе администрации Комсомольского района А.В. Коломыцеву о том, что нельзя превращать историческое место в свалку. Администрация ограничилась отпиской.

В 2011 г. «Мемориал» получил информацию о том, что на сопке, прямо над входом в тоннель со стороны Амура, установлен памятный знак жертвам политических репрессий, которых было немало среди строителей первого тоннеля. Мы разыскали автора и исполнителя памятного знака. Им оказался комсомольчанин Виктор Загрянин. К слову сказать, в Комсомольском районе не было официального памятного знака жертвам политических репрессий. Теперь есть, благодаря личной инициативе одного из граждан. Но неофициальный. При разговоре «мемориальцев» с В. Загряниным выяснилось, что выемка перед тоннелем завалена бытовыми отходами. То есть администрация района попросту игнорировала обращение общественности.

Поэтому в декабре 2011 г. при Комсомольском на-Амуре отделении Российского общества «Мемориал» была образована инициативная группа «Тоннель», которая поставила своей задачей спасение исторического комплекса на правом берегу Амура в районе Пивани и предложила администрации района совместными усилиями решить первоочередной вопрос об очистке выемки перед тоннелем.

Администрация Комсомольского района обратилась в Минкультуры Хабаровского края. Полученный ответ переслала нам. Начинаясь ответ со слов: «В связи с обращением председателя Комсомольского

на-Амуре Российского общества «Мемориал» М.А. Кузьминой об охране тоннеля БАМа на правом берегу реки Амур сообщаем следующее...». Нехорошо врать! Я обратилась с предложением убрать свалку бытовых отходов, не более.

И тем не менее, Минкультуры сообщило, что даже если бы речь зашла об экспертизе тоннеля как объекта для постановки на учет, то в крае нет экспертов такого уровня. Мы не знаем точно, о чем писала администрация района в Минкультуры. Скорее всего, Минкульт о свалке ничего не знает и хотел получить подтверждение от нас, что тоннель не является объектом культуры. «Мемориалу»

возможность создания уникального исторического комплекса, представляющего большой интерес не только для наших, но и для иностранных туристов. В этот комплекс войдут тоннель, основные карьеры, кладбище заключенных, умерших в больнице Нижне-Амурского ИТЛ на Пиванском отделении. К слову сказать, это единственное в Хабаровском крае кладбище заключенных, существование которого доказано документально.

Что касается туризма. Иностранцы хотят видеть в наших краях то, чего не было и нет у них. У них не было ГУЛАГа и

было предложено выступить заказчиком такой экспертизы. Выступить можно. А кто оплатит многотысячные расходы на приезд специалистов? Тем более что объекта для постановки на охрану нет. Есть свалка на месте объекта. Сначала надо ликвидировать ее.

У нас в стране БАМ десятков лет была национальной идеей. Так неужели, чтобы признать самый первый тоннель БАМа, да еще построенный в эпоху ГУЛАГа, памятником истории, нужно вносить его в реестр? Пока мы не поднимали вопроса ни об охране, ни о внесении тоннеля в реестр объектов, охраняемых государством. И не обсуждаем их сейчас. Это дело будущего.

С уничтожением свалки в выемке тоннеля появляется воз-

можность создания уникального исторического комплекса, представляющего большой интерес не только для наших, но и для иностранных туристов. В этот комплекс войдут тоннель, основные карьеры, кладбище заключенных, умерших в больнице Нижне-Амурского ИТЛ на Пиванском отделении. К слову сказать, это единственное в Хабаровском крае кладбище заключенных, существование которого доказано документально.

Позиция администрации была ясна. Переписка не привела к соглашению.

Так что, мы оставим потомкам первый тоннель БАМа как памятник тоталитарной эпохи или свалку бытовых отходов как памятник администрации Комсомольского района?

«Первый тоннель БАМа – в опасности!» Информацию с таким заголовком мы отправили в СМИ города и края, разместили на незащищенном региональном интернет-сайте «Дебри-ДВ» с фотография-

ми. Все материалы направили в природоохранную прокуратуру Хабаровского края.

Пока прокуратура рассматривала это обращение, инициативная группа в июне в честь 80-летия Комсомольска на-Амуре и Байкало-Амурской магистрали, провела первый воскресник по очистке выемки тоннеля от бытовых отходов. Чтобы добраться до входа в тоннель, пришлось прорубать просеку среди деревьев и кустарников, выросших в выемке. Во время воскресника состоялась встреча с местными садоводами. И оказалось, что среди них немало таких, кто тоже заинтересован в ликвидации свалки.

Из Комсомольской на-Амуре межрайонной природоохранной прокуратуры мы получили ответ: «...по факту несанкциониро-

ванного размещения бытовых отходов вблизи выемки тоннеля в ходе проверки Ваши доводы нашли свое подтверждение, в связи с чем в Комсомольский районный суд направлено исковое заявление к сельскому поселению «Село Пивань» и к садоводческому некоммерческому товариществу «Пивань» КЭТУС о понуждении ликвидировать несанкционированную свалку отходов».

Выездное заседание Комсомольского районного суда состоялось 27 сентября с.г. в районе тоннеля. Судейская бригада измерила расстояние от свалки до жилых строений (согласно законодательству, на территории садоводческих объединений или вблизи их запрещается устраивать свалки отходов). Подошедшие члены садоводческого товарищества имели возможность высказать свое мнение по поводу свалки.

Мы выиграли. В сентябре 2012 г. Комсомольский районный суд признал иск прокуратуры. Судебным решением СКТ «Пивань» КЭТУС и администрации села Пивань было запрещено использовать выемку тоннеля под свалку бытовых отходов и дан год на то, чтобы организовать вывоз бытовых отходов.

28 октября, в преддверии Дня жертв политических репрессий, инициативная группа организовала второй воскресник по очистке выемки тоннеля. Если при проведении первого воскресника в июне ни одно СМИ, ни местное телевидение не проявили к нему интереса, то после публикации о нашей победе на второй воскресник примчались и те, и другие.

Марина КУЗЬМИНА,
председатель
Комсомольского на-Амуре
отделения Российского
общества «Мемориал».

Фото автора

На снимках:

осенний воскресник у входа в тоннель. Вид со спутника. Белая линия – тоннель, над ним – садовые участки.

ОТДЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРНЫЙ ПУНКТ

В последние месяцы в ряде СМИ появились сообщения о «ГУЛАГе для туристов» – создании в Воркуте туристического проекта «Отдельный лагерьный пункт». Идея вызвала крайне противоречивые оценки.

Хотя «Мемориал» не принимает участия в этом проекте, «30 октября» посчитала интересным рассказать о нем, как об инициативе по сохранению памяти жертв репрессий.

Газета предлагает читателям мнения инициаторов проекта и комментарий члена Правления Российского Мемориала, председателя фонда «Покаяние» М.Б. Рогачева.

– Я в Воркуту приехала с родителями. Для меня это был город, куда направили отца на работу и где нам предстояло жить. О страшной истории этого сурового, но по своему прекрасного края впервые узнала, когда мы поехали в тундру за грибами, – рассказывает воркутинская журналистка и поэтесса Ольга Хмара. – Мы шли, то и дело натываясь на какие-то столбики. Их было очень много. Это не были пеньки от деревьев. Деревянные,

почерневшие от времени колышки. Мне сказали, что каждый безымянный столбик – это чья-то могила. Могила человека, который был узником одного из лагерей, расположенных в этом крае.

Ольга – автор сценария памятного мероприятия «Поклонение земле Воркутинской», которое планируется провести в первых числах августа будущего года

– Участники этого мероприятия, а среди них будут и потомки узников

из Польши, Венгрии и Германии, которые сидели в воркутинских лагерях, пройдут по паломнической тропе – от базы на Большой Усе до Воркуты, – рассказывает Ольга. – Ранее по этому пути на места работ водили заключенных. Теперь по ней пойдут их дети. Это шествие – чтобы помнили о своей истории и о том, какими силами строилась Воркута. Поход займет сутки, и к первому августа волонтеры прибудут в Заполярную столицу. А в ночь

с первого на второе августа мы готовим мероприятие «Поклонение земле Воркутинской». Это мероприятие – часть акции, которая стартует весной 2013 года. В ее рамках строится комплекс «Отдельный лагерьный пункт».

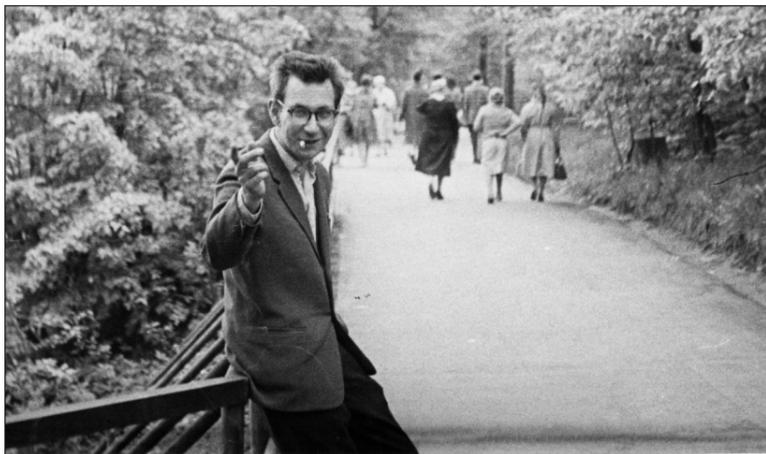
Идея музейного комплекса «Отдельный лагерьный пункт» принадлежит бывшему мэру, ныне президенту Союза городов Заполярья и Крайнего Севера, члену Общественной палаты России Игорю Шпектору. Реализовать ее взялся владелец ООО «Монолит-Групп» Алексей Овац. В одном из недавних интервью (интернет-издание «Клуб регионов») Игорь Шпектор признался, что в свое время в его адрес звучало много кри-

тики за идею организовать действующий «ГУЛАГ».

– Но я считаю, что «ГУЛАГ» все-таки должен быть действующий: сегодня огромное число людей хотят понять, что же такое ГУЛАГ. То есть на фоне музея с полной атрибутикой лагерной жизни, показа документальных короткометражных материалов, соответствующей библиотеки должна быть возможность попробовать пожить жизнью «ГУЛАГа». Моя идея была в этом, и я ее буду отстаивать дальше на территории Воркуты, – говорит Игорь Шпектор. Он вспомнил свою поездку в Швецию и посещение отеля, созданного в тюрьме Lengholmen. Это единственный в мире отель-тюрьма. В XIX веке в этом здании располагалась королевская темница, а теперь его переоборудовали в гостиницу для тех, кто хочет почувствовать себя узни-

«18 сентября умер Виктор Александрович Сипачев. Имя старшего научного сотрудника химического факультета МГУ не слишком широко известно. Тем не менее он причастен к событиям отечественной истории второй половины XX века, и прежде всего к сохранению традиции свободной печати в России. За 15 лет издания «Хроники» имя ее «типографа» ни разу не появилось на ее страницах», — говорится в некрологе «Мемориала».

О том времени и месте в нем Виктора Сипачева специально для «30 октября» написал его товарищ со студенческих лет Владимир Кузнецов.

ТИПОГРАФ «ХРОНИКИ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ»

С Витей мы познакомились на первом курсе филфака МГУ, на факультативе по санскриту (это было осенью 1954 г.). Примерно тогда же Витя рассказал мне историю, как его в седьмом классе исключали из пионеров за то, что он написал в школьном сочинении, что построение социализма напоминает строительство Дворца Советов: храм разрушили, а на его месте возникла зловонная лужа. Сейчас мало кто помнит, что в послевоенные годы мы, мальчишки, гуляя по Кропоткинской, с любопытством смотрели сквозь щели в заборе на то, что происходит на строительстве этого дворца. Там уже ничего не строили и виден был котлован, заполненный ржавой водой. С Витей мы сошлись на отрицании марксизма и детерминизма, а ту доктрину, которой оба придерживались, назвали конвенционализмом (имея в виду агностицизм). Он стал бывать у меня дома, в профессорском корпусе высотного здания МГУ. Моему отцу Витя понравился, он считал его умницей, но разговоры они вели почему-то не о лингвистике, а об истории английского флота, которой оба очень интересовались.

Постепенно за два года на факультете образовалась компания, куда, кроме нас с Витей, входили Валера Панасюк, Андрей Терехин, Наташа Горбаневская, Ира Максимова, Владимир Егоров и Галя Гитис. Некоторые из нас писали стихи (Витя — нет).

Не помню где (кажется, в квартире бывшей в отъезде тетки Андрея Терехина на Покровке), осенью 1956 г. сидели всей компанией и что-то обсуждали. Неожиданно Витя обратился к Ире Максимовой: «Ирка! Выходи за меня замуж!» До того он в попытках поухаживать за Ирой замечен не был, даже высмеивал ее, когда она писала курсовую работу по пьесам Луначарского: «Нашла драматурга!» «Когда?» — спросила Ира. «Сегодня», — ответил Витя. «Сегодня не могу». — «Тогда зав-

тра». На следующий день они поженились.

Витя переехал жить из своей московской коммуналки на Кропоткинской в комнату Иры в общежитии на Воробьевых (Ленинских) горах. Комната никогда не запиралась, так как воровать там было нечего, кроме трофейной пищевой машинки системы «Грома». Когда на ноябрьские праздники Ира повезла своего мужа знакомить с родителями (в Тульскую область), мы с Андреем Терехиным попросили у них разрешения поработать на этой машинке (и раньше мы на ней часто печатали материалы для стенгазеты). «Ради Бога!» — сказали они оба, хотя знали, ЧТО мы собираемся печатать и что за это может быть. О нашей листовке с протестом против подавления венгерской революции (Андрей включил в нее отрывки из своих стихов: «У нас идиоты в моде. Примеры — куда еще вам? Взгляните хотя бы на морду Того же Никиты Хрущева»), о том, как мы ее «изготавливали» и «распространяли», я уже писал несколько раз и повторяться не буду. Когда Витя с Ирой вернулись, мы им рассказали, что дело сделано. Они отнеслись к этому спокойно, надеялись, что нас не найдут. Но следствие стало искать машинку, на которой была напечатана листовка (в СССР копировальная техника была на учете), и за три с лишним месяца ее нашло. В начале марта 1957 г. Витю вызвали повесткой на Лубянку, долго допрашивали, он сказал, что ничего не знает. Взяли подписание о неразглашении, но он в тот же день на факультете, встретив нас с Андреем, предупредил об опасности. К несчастью для нас (и к счастью для следователя), не все наши друзья повели себя так, как он...

16 марта 1957 г. арестовали Андрея, через три дня меня. Ира с Витей отказались давать показания против нас, и их сразу отчислили с факультета. Секретарь факультетского партбюро Василий Кулешов (тогда еще не профессор и не зав-

кафедрой) громко возмущался на партсобрании. Говорил о запущенности комсомольской работы, о потере политического чутья, бдительности, о чем свидетельствует факт ареста двух студентов нашего факультета — Терехина и Кузнецова, ныне осужденных. Эти бывшие студенты занимались печатанием на машинке и распространением антисоветских листовок осенью прошлого года. При этом фактическим соучастником их был и ныне исключенный из комсомола и из университета Сипачев, предоставивший в их распоряжение свою машинку. «И это было в общежитии на Ленинских горах, это делали студенты нашего факультета!»

За три дня до того, как я получил известие о смерти Вити, мне написал из Израиля математик и поэт Илья Йослович (с ним меня познакомил Витя), что умерла Ира Максимова, бывшая жена Вити.

Ира через год, в 1958 г., сумела восстановиться на факультете, а Витю почти сразу сдали в армию. У него была черта — если он сталкивался с кем-то незнакомым, он не успокаивался, пока не разберется в проблеме. Попав в саперную часть в Забайкалье, он столкнулся с незнакомым ему плотницким делом и освоил настолько, что его объявили лучшим плотником дивизии. Через какое-то время в часть из Москвы пришла бумага — решение комитета комсомола МГУ об исключении Сипачева из ВЛКСМ. Отношения между армией и КГБ были сложными и в советские времена. Витю вызвал замполит полка и сказал: «Совсем они сдурели — будем мы им лучшего плотника исключать!» (когда я в 1995 г. смотрел на Лубянке наше следственное дело, то увидел, что его в конце 1950-х выставляли для ознакомления в эту воинскую часть, так что замполит его читал). Исключение не состоялось.

Когда Витя в 1960 г. демобилизовался, меня в Москве не было: отбывшим наказанием по 58-й статье УК запрещалось проживать в Москве и в ряде крупных городов. Я вернулся в Москву через

год, и мы снова начали дружить. Этому способствовала и его новая профессия. Устроился он на завод «Каучук» вальцовщиком и решил поступать на вечернее отделение химического факультета, который находится рядом с моей квартирой. Я очень удивился его решению стать химиком — все время до этого он казался мне прирожденным математиком, брал первые места на школьных олимпиадах. «Почему не на мехмат?» — спросил я. «Математикой нужно заниматься без перерыва на армию», — ответил он. Бывал он у меня часто, заходил с факультета чуть не каждый день.

спросил его: «Почему Ирки нет?» Он ответил: «Мы развелись».

Однажды я забежал к Вите на работу (это было летом 1980 г.), и он рассказал мне, что накануне, когда он возвращался из отпуска, в аэропорту к нему подошли два типа и, предъявив удостоверение, посадили в машину и отвезли в Фуркасовский переулок, где КГБ обычно проводил допросы не арестованных. Больше всего его удивляло то, что они не верили, что он не помнит тех людей, о которых его спрашивали, и того, о чем они говорили. «Самое смешное, что я ничего на самом деле не помню ни о людях, ни о разгово-

В 1968 г. Сипачев стал печатать «Хронику текущих событий». Но о том, что он делает самый первый, стартовый, тираж, я не знал. Приходя к нему, я почти всегда читал свежий выпуск. Кроме того, Витя занимался весьма трудоемким делом — переснимал самиздат на фотоленку. Для этого нужно было каждую страницу сфотографировать, проявить и отпечатать карточку. При этом стараться, чтобы удобно было читать. Иногда на это дело уходило несколько ночей.

Примерно в это же время Витя уволился с «Каучука» и перешел работать старшим лаборантом на тот же химический факультет МГУ, на кафедру неорганической химии, и довольно быстро защитил диплом. В 1965 г. я жил у Вити с Ирой два или три месяца. Помню, как перед экзаменом по коллоидной химии он всю ночь читал Шекспира на английском языке. После окончания химического факультета Витя довольно быстро защитил кандидатскую диссертацию. Я был на этой защите. Когда я подошел его поздравить,

Татьяна Великановой — одного из последних редакторов «Хроники» — и допрашивали всех, кого подозревали в причастности к изданию. В частности, Витю пытались допросить по поводу его связей с эмигранткой Горбаневской.

...Уходят друзья. Первым, в 1975 г., умер Валера Панасюк — самый талантливый из нашей компании (последние годы перед смертью он был заместителем главного редактора «Книжного обозрения»). Лет через пять в Мурманске (он там работал журналистом) умер мой одноклассник Андрей Терехин. В 2003 г. умер Владимир Егоров (и он стал журналистом — дошел до заведующего отделом быта газеты «Правда», выпустил несколько сборников фельетонов и юмористических рассказов). И вот почти одновременно — Ира и Витя. Из ребят остался я один. Всех буду помнить до конца жизни.

Владимир КУЗНЕЦОВ
Фото из архива НИПЦ «Мемориал»
На снимке: Виктор Сипачев

ОБ АВТОРЕ:

Владимир Кузнецов (р. 1936) — сын выдающегося русского лингвиста Петра Саввича Кузнецова (1899—1968). В 1954 г. поступил на филологический факультет МГУ, где его отец был профессором. Почти сразу он стал одним из активистов группы молодых поэтов и любителей русской поэзии, учившихся тогда на факультете. Через год они создали группу «Сенсус», что значит по-латыни «чувство» (у группы был свой гимн и даже значок — никелированный треугольник, направленный острием вниз, с черной латинской буквой S посередине). Собирались на факультете или в профессорской квартире Кузнецова на Ленинских горах, читали стихи — свои и любимых поэтов. В.Кузнецов пропагандировал Гумилева и Мандельштама, которых его отец лично знал и считал своими учителями. В ноябре 1956 г., после подавления советскими войсками венгерской революции, два члена группы — Кузнецов и Терехин — написали и распространили в Москве листовку протеста. Через несколько месяцев они были арестованы органами КГБ, осуждены по статье 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда) и провели несколько лет в мордовских лагерях (в ставшем впоследствии знаменитым Дубравлаге). Там Кузнецов стал участником лагерного литературного альманаха «Пятиречье», составленного поэтом и литературоведом Леонидом Чертковым. В 1960 г. Кузнецов вернулся в Москву, работал в московских научных учреждениях, занимался журналистикой. В конце 1980-х гг. он тяжело заболел. После реабилитации (1994) Кузнецов начал работать над воспоминаниями, которые выходили отдельной книгой («История одной компании», 1995, имеется в библиотеке «Мемориала») и печатались в периодике («Тыняновский сборник», вып. 10, 1998; вып. 11, 2002; «Новое литературное обозрение», № 47, 2001; «30 октября», 2000, № 8; «Габриэлида», сайм Ruthenia, 2008).

ком, добровольно заточенным в камере. В этом отеле никогда не бывает пустых камер-номеров.

— Люди хотят испытать? — а как же там живут. Вот я того же самого хочу в нашем проекте: чтобы желающий мог поселиться, пожить там три-пять дней, поесть баланды, которую давали заключенным. Чтобы человек увидел часовых на вышках, собак за колючей проволокой, то есть должна быть полная имитация того времени и тяжелейшей жизни, которой жили заключенные, — считает Игорь Леонидович.

Один из инициаторов проекта Виталий Трошин рассказывает, что идея о создании такого музейного комплекса заинтересовала многих.

— Удивление вызвало то, что инвестировать этот проект взялся молодой предприниматель Алексей Овац. 33-летний парень хочет финансировать такой проект. Спросил его — зачем тебе это нужно? Завлечь

сюда экстремалов-туристов, чтобы они прочувствовали атмосферу того времени, будет не просто, минутной прибылью не будет. А он сказал, что для него это не коммерческий проект. «Это нужно не только тем, кто помнит то время, у кого близкие были репрессированы. Это необходимо всем нам, чтобы помнить о том, что было».

Алексей Овац решил построить зону, антураж которой воссоздавал бы дух сталинских лагерей: с административно-бытовыми зданиями, бараками, лазаретом, столовой и вышками.

— В эти дни на площадку будущего комплекса завозят строительные материалы. Бараки мы планируем построить так, чтобы в одной половине были представлены материалы, рассказывающие о заключенных той или иной страны. А в другой половине восстановить все так, как это было в годы сталин-

ских репрессий, — делится планами Виталий Трошин. — В начале марта 2012 года наш инвестор, подрядчик и заказчик Алексей Овац был арестован по подозрению в связях с ОПГ¹. Мы, честно говоря, огорчились, думали, что из-за отсутствия финансирования не сможем реализовать задуманное. Но по поручению Алексея инвестирует строительство музейного комплекса его партнер по бизнесу. Так что все идет по плану. ***

Музейный комплекс расположен в 60 километрах от Воркуты.

— Мы считаем, что восстанавливать лагерную зону в пределах города вроде как некорректно, — говорит Виталий Алексеевич. — К тому же, пока не была построена узкоколейка, заключенные, которых доставляли сюда по реке, потом шли пешком эти 60 километров, неся на себе продукты питания, какие-то

вещи. Это продолжалось лет пять. Так что мы делаем все, как было в те годы.

Анну Васильевну Крикун первый раз, 20-летнюю, арестовали в 1943 году как социально опасного элемента. Да и какой же еще быть, если отца арестовали в 1924 году, в 1937 году забрали отца, через месяц принесели передачу жене сказали, что он умер. Потом Аню с мамой и бабушкой выслали из Севастополя в захолустный городок Курской области. В 1943 году вместе с Анной была арестована и ее мать. Только дочь отправили в ссылку в вятские лагеря, а ее мать — в Мордовию.

— Работала на лесоповале. А в 1945 году меня осудили уже по 58-й статье и отправили на 15 лет в лагерь. Где я только ни работала: на лесоповале, на шахте стропальщиком, дорогу строили от шахты Заполярная до станции Мульда. В апреле 1952 года перевели в Речлаг

на кирпичный. И оттуда я освободилась, когда умер Сталин, — вспоминает Анна Васильевна. — Мама раньше меня освободилась, приехала ко мне. Мы так и остались жить в этих краях. А куда ехать?

Виталий Алексеевич рассказал, что многие заключенные, освободившись, оставались жить в лагерных бараках, которые были поделены на комнаты-клетушки. Так и жили: в этих стенах, с этими тараканами, перешагивая через проволоку, которой были окружены

¹ В статье «От «деятельности» члена ОПГ Ифы-Козлова пострадали иностранцы», опубликованной в газете «Красное знамя» от 7 июля 2012 г., автор Игорь Муртазин пишет, что Овац, входивший в ОПГ Ифы-Козлова, курировал «информационную атаку» на лиц, которые занимались раскрытием преступлений банды.

Продолжение на с. 7

АУЗБИ ЗУРАЕВ:

НЕТ ТАКОЙ ФАМИЛИИ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ, КОТОРУЮ БЫ НЕ ЗАДЕЛИ РЕПРЕССИИ

В конце октября во Владикавказе вышел в свет очередной том «Книги памяти» Северной Осетии. Это дало повод «30 октября» поговорить о репрессиях 1920–1950-х годов с руководителем общественной благотворительной Ассоциации пенсионеров и инвалидов жертв политических репрессий «Номаран» (перевод с осетин. «Память») Аузби Зураевым, человеком, который сам испытал все тяготы и невзгоды политических репрессий. Он был осужден по ст. 58 УК РСФСР («измена родине») и сослан в лагерь на Урал на 10 лет.

Вспоминая времена репрессий, Аузби Зураев говорит, что такого нигде в мире больше не было.

«Слова сказать невозможно было. Брат на брата доносы писал, сын на отца, сосед на соседа. Очень много людей пострадало. Среди них были самые хорошие, умные люди — ученые, писатели, партийные работники и другие — почти полностью была уничтожена интеллигенция Осетии. Нет такой фамилии в Северной Осетии, которую бы не задел репрессии».

Мне было 16 лет, когда немцы пришли в наше село Дзагепбарз. Меня пригласили к себе районный руководитель партии и командир партизанского отряда и поручили мне быть связистом и разведчиком в трех населенных пунктах в течение двух месяцев. Собирали сведения о расположении немецких войск, о планах разведывательных групп врага. Бывший колхозный водовоз, ставший при немцах старостой, заставил меня вместе с другими подростками охранять кукурузное поле в течение недели. В 1943 г., сразу после освобождения Ирафского района от фашистов, меня арестовали сотрудники НКВД, обвинив в том, что я охранял немецкую кукурузу. Меня обвинили в пособничестве врагу и отправили в лагерь на 10 лет на Урал», — рассказал Зураев.

На Урале Зураев и другие осужденные попали на лесоповал, где они жили в неотапливаемых бараках, вспоминает он.

«Снег был по пояс, а нас пешком заставляли ходить на работу. Мы работали с утра до вечера без обеда. Древесину пилили метров по восемь, таскали бревна, делали штабеля. Плечевые суставы у всех были, как у старого быка. Возьмешь молоток, бьешь по плечу, а человек не реагирует. Люди там умирали от голода, от холода, от инфекционных заболеваний, цинги, желудочно-кишечных заболеваний. Года не выдержали люди, из тысячи человек нас осталось 600. Оттуда нас перевезли в Углич на строительство гидроэлектростанций».

В Угличе Аузби Зураев попал в больницу. До того, как его осудили, он успел окончить медицинское училище в Ростове-на-Дону и стал медработником. На новом месте сылкой помогал врачам лечить больных.

«Со мной сидели и работали кремлевские врачи, профессора. Жили мы в хирургическом корпусе в одной большой комнате. Они меня учили, мы круглые сутки оперировали людей со всех концов. Сначала меня поставили наркотизатором (давал наркоз), а потом я стал ассистировать профессорам. На третий год сам стал оперировать. Активно участвовал в работе врачебной комиссии: распределял больных заключенных по категориям, определял их на более легкую работу. А труд был тяжелый, невыносимый. Это была работа в шахтах, рудниках, на лесозаготовках и железных дорогах и, наконец, строительстве гидроэлектростанций. Среди арестантов были и наши земляки. Я старался помочь им, присваивая им более легкую категорию труда как тяжелобольным, и они оставались в зоне, занимались

обслуживанием персонала», — рассказал руководитель «Номаран».

В 1953 г. Аузби Зураев был освобожден и работал в Нальчике. За 28 лет работы в г. Тырныаузе А.Зураев получил все высшие награды медико-санитарной службы.

«Номаран»

В 1990 г. группа лиц, пострадавших от политических репрессий, создала североосетинскую республиканскую общественную организацию «Номаран». В 1991 г. президентом ассоциации был избран Аузби Зураев, переживший лагерь и клеймо «врага народа».

В 1992 г. была образована Комиссия по правам и реабилитации при правительстве Северной Осетии. Основной целью «Номаран» является сохранение памяти обо всех жертвах репрессий, восстановление исторической правды о произошедших преступлениях, содействие восстановлению мест массовых захоронений, оказание юридической помощи нуждающимся.

В состав Ассоциации пенсионеров и инвалидов жертв политических репрессий «Номаран» входит 1221 человек. Число репрессированных, на которых организация распространяет свою деятельность, составляет 4100 человек, в том числе по округам Владикавказ — 1730, по районам республики — 2370 человек. Организация работает в тесном контакте с республиканскими, районными и окружными комиссиями по правам реабилитированных, по правам человека, представителями Министерства труда и социального развития, УФСБ, МВД, прокуратурой, Министерством юстиции, администрацией Владикавказ и общественными организациями. По словам Аузби Зураева, «Номаран» — одна из наиболее активно действующих организаций не только в Северной Осетии, но и в России.

Благодаря содействию североосетинской республиканской общественной благотворительной Ассоциации пенсионеров и инвалидов жертв политических репрессий многие раскулаченные в 1930-е годы XX века получили свое жилье обратно, более 3 тысяч получили компенсацию за свое имущество и жилье, и лишь 3 человека получили квартиры от государства.

По данным МВД и ФСБ, которые привел Аузби Зураев, жертвами репрессий в Северной Осетии стали свыше 25 тысяч человек, из них более 14 тысяч репрессированы по политическим мотивам, 4370 человек раскулачены, 5216 репрессированы по национальному признаку, 1654 человека расстреляны.

По словам Зураева, в УФСБ Северной Осетии по хранящимся уголовным делам проходит около 14 тысяч человек, 12 146 из них — реабилитированы, 2050 в этом отказано. Информационный центр МВД с 1992 г. и по настоящее время в административном порядке и по национальному признаку пересмотрел 9586 дел.

«Книги памяти»

Около 10 лет Аузби Зураев посвятил созданию «Книги памяти», основу которых составляет список

жертв террора. Основным источником многотомного издания служат архивы ФСБ и МВД. В настоящее время выпущено шесть книг, в которых поименно указаны более 12 тысяч реабилитированных. В последних двух изданиях Зураев рассказал об истории депортации народов СССР в 1930–1950-е годы, опубликовал документы о политических репрессиях и о реабилитации жертв политических репрессий. Все книги изданы при поддержке руководства республики.

В специальный раздел «Из истории ГУЛАГа» вошли документы и материалы, которые до сих пор хранились под грифом «Совершенно секретно». Это приказы, постановления «троек», протоколы допросов и т.д. В книгах содержится много очерков о наиболее выдающихся личностях Осетии, которые попали под молот репрессий. Среди них поэт и публицист Георгий Малиев, писатель Кудзэг Дзесов, известный врач Евгений Рамонов, прокурор Северной Осетии Елена Баракова, поэт и скульптор Борис Шанаев и многие другие.

Дети раскулаченных жертв, находившиеся в ссылке вместе с родителями в Сибири, на Севере, в среднеазиатских республиках, Казахстане и родившиеся там, считались пострадавшими и с 1997 г. были реабилитированы. Реабилитированы также дети, родители которых были репрессированы, осуждены и расстреляны по политическим мотивам. В 2000 г. реабилитировано более 6 тысяч таких граждан. Республиканская прокуратура заменила справки пострадавших на справки реабилитированных.

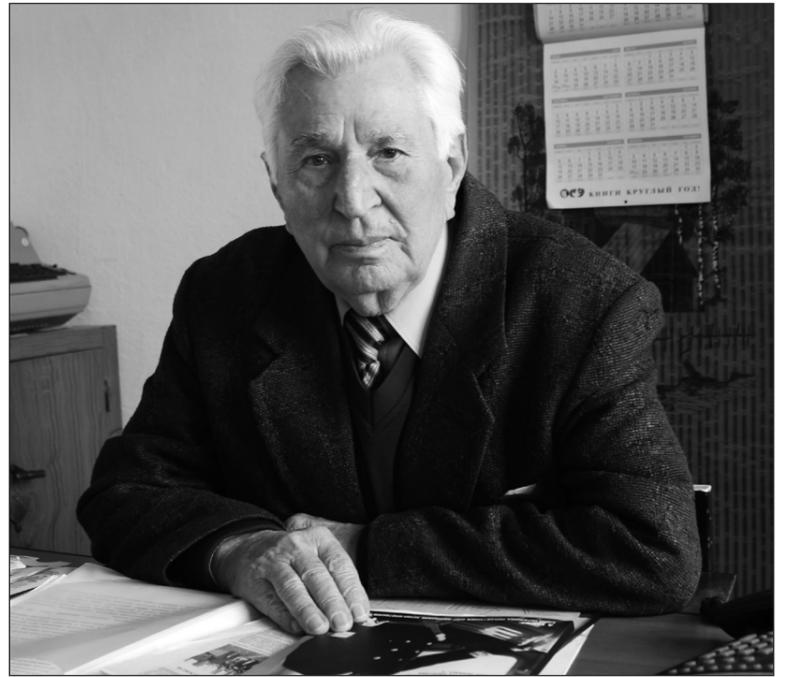
В «Книгу памяти» включено приложение, в которое вошли законы о реабилитации, о мерах по социальной поддержке реабилитированных лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, и другие нормативные акты.

3 ноября 2005 г. во Владикавказе был установлен памятник жертвам политических репрессий 1920–1950-х годов XX века, который назвали «Камень слез». Он представляет собой расщепленную гранитную глыбу, напоминающую о тех событиях, а стекающая вода олицетворяет собой слезы по невинным жертвам репрессий. В этом году, как и ежегодно 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, к памятнику приходили люди.

25 июля 2005 г. ветераны альпинизма совершили восхождение на одну из непокоренных вершин Кавказа — Пик «4153», расположенную в горах Восточной Дигории, и предложили назвать ее в память о жертвах репрессий.

Социальный аспект

Как рассказал Аузби Зураев, их организации не выделяются денежные средства ни из регионального, ни из федерального бюджетов. Только Всероссийская ассоциация жертв незаконных политических репрессий Москвы раз в год перечисляет им 15–20 тысяч рублей, что составляет месячный расход «Номаран». Также, раз в год, в День памяти жертв политических репрессий, им оказывает помощь Министерство труда и социального развития республики. Вместе с тем, Ассоциация «Номаран» сама ежегодно оказывает юридическую, материальную и финансовую помощь нуждающимся членам организации. «Мы периодически выделяем и раздаем продукты пита-

ния, оказываем помощь инвалидам, одиночкам, тяжелобольным реабилитированным членам ассоциации», — сказал А.Зураев.

5 марта 2005 г. президент Северной Осетии подписал закон «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий», который устанавливает правовые гарантии социальной поддержки людей данной категории (см. справку).

«Однако этого недостаточно для достойной жизни», — говорит Аузби Зураев.

По его словам, люди хотели бы, чтобы им к пенсии ежемесячно шли доплаты за страдания, которые они пережили. 16 октября этого года руководитель «Номаран» обратился с письмом к президенту страны Владимиру Путину, председателю правительства Дмитрию Медведеву, к парламенту РФ, депутатам Госдумы от Северной Осетии. 31 октября он получил ответ из администрации президента о том, что его просьба перенаправлена в Министерство труда и социального развития России. 8 ноября в их организацию пришло письмо из Совета Федерации (СФ), в котором говорится, что обращение «Номаран» передано в Комитет СФ по социальной политике за № 19562. И 16 ноября на адрес общественной благотворительной Ассоциации пришел ответ, что их обращение о назначении ежемесячных доплат к пенсии рассмотрено. В письме говорится, что расходные обязательства по обеспечению мер социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий (статья 16), закреплены за субъектами РФ. При этом и сами меры социальной поддержки устанавливаются законами субъектов РФ.

Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ, выраженной им в ряде определений по данному вопросу (от 15 мая 2007 г. № 383-О-П, от 17 июля 2007 г. № 574-О-О, от 15 апреля 2008 г. № 263-О-О и др.), правительство РФ и Федеральное собрание должны, исходя из финансовых возмож-

ностей государства, с учетом уровня инфляции и других социально-экономических факторов, определить размеры компенсаций для лиц, на которых распространяется действие закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

В письме также говорится о том, что в настоящее время в Государственной думе находятся на рассмотрении ряд проектов федеральных законов, направленных на решение обозначенного вопроса и совершенствование системы социальной поддержки граждан, пострадавших от репрессий.

«Кроме того, об актуальности данной проблемы свидетельствует тот факт, что законопроекты с такими предложениями внесены разными субъектами законодательной инициативы. Все они будут рассмотрены в порядке, предусмотренном Конституцией РФ и регламентами Палат Федерального собрания РФ», — указано в письме за подписью руководителя аппарата Комитета по социальной политике Игоря Михалева.

Сегодня Аузби Зураев работает над последним томом «Книги памяти», в которую войдут имена расстрелянных в подвалах НКВД, а их 1654 человека. По его словам, книга уже готова, ее надо только сдать в печать.

«Книги памяти» можно найти в книжных магазинах и во всех библиотеках Северной Осетии, инвалидам-реабилитированным они раздаются бесплатно. Это многотомное издание можно найти в Музее А.Сахарова, Музее жертв политических репрессий, библиотеке «Мемориала», Всероссийской ассоциации жертв политических репрессий и других организациях. Как признался Зураев, часто он эти книги просто дарит.

Эмма МАРЗОВЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»,
Владикавказ

Фото автора
На снимке: Аузби Зураев

СПРАВКА: Как проинформировали в Министерстве труда и социального развития Северной Осетии, реабилитированным лицам, являющимся пенсионерами, предоставляются следующие меры социальной поддержки: внеочередное оказание медицинской помощи и снижение стоимости лекарств по рецепту врача на 50%; получение ежемесячной денежной выплаты на проезд — 150 рублей; проезд по территории РФ (туда и обратно) один раз в год железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, — воздушным или междугородным автомобильным транспортом со скидкой 50% стоимости проезда; социальные гарантии на оплату коммунальных услуг (водоснабжение, водоотведение, тепловая энергия, сбор, вывоз и утилизация твердых бытовых отходов). Реабилитированным лицам, проживающим в домах, не имеющих центрального отопления, — оплачиваются топливо и транспортные услуги для доставки этого топлива. Социальные гарантии на оплату коммунальных услуг распространяются на членов семьи реабилитированного лица, совместно с ним проживающих; однократная компенсация расходов по установке телефона; однократное бесплатное получение земельного участка для ведения личного подсобного хозяйства; бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов; льготное обеспечение другими протезно-ортопедическими изделиями; право на бесплатную консультацию адвокатов.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НЕБЕЗРАЗЛИЧИЯ

Презентация IV тома «Книги памяти жертв политических репрессий Краснодарского края» прошла в конференц-зале Общественного политического центра Краснодарского края 23 октября, накануне Дня памяти жертв политических репрессий. Выход книги приурочен к 10-летию юбилею отделе-ния «Мемориала». На этой встрече также были представлены сборник научных статей по материалам VII Международной научной конференции «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР», прошедшей в Краснодаре 5–6 ноября 2011 г., и книга председателя правления краевого отделения Сергея Кропачева «Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография».

«Точных цифр установить не сможем никогда»

«Книга памяти жертв политических репрессий Краснодарского края» — результат совместной работы «мемориальцев», администрации региона, местного Управления Федеральной службы безопасности и Краснодарского краевого отделения «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры».

На страницы томов «Книги памяти» попадают фамилии жертв политических репрессий, осужденных на разные сроки лишения свободы и к высшей мере наказания за период с 1920-х до 1950-х годов. Все герои книги на момент ареста проживали на территории Кубани, входившей в различные административно-территориальные образования, а с сентября 1937 г. — Краснодарского края.

На данный момент выпущены уже четыре тома «Книги памяти», однако в одном только архиве УФСБ по Краснодарскому краю еще находятся на сохранении более 300 тысяч папок уголовных дел, в каждой из которых от одного до нескольких десятков фигурантов. В информационном центре ГУВД по Краснодарскому краю на полках находятся не только неопубликованные, но даже не обработанные, повзвонные списки депортированных по национальному признаку, раскулаченных, расказаченных кубанцев. Здесь же данные на десятки тысяч греков и немцев, депортированных в 1941–1942 гг.

В четвертый том «Книги памяти» вошли 2303 биографические справки. «На страницах четвертого тома представлены биографии

людей и биография страны, прошедшей через колоссальные социальные катаклизмы — революции 1917 г., гражданскую войну, расказачивание, голод начала 1920-х, 1930-х и середины 1940-х годов, раскулачивание, Большой террор, депортации. Это и многое другое вместило в неполные 50 лет. В 1920-е годы осуждали за «службу в белой армии», в 1930-е — за «участие в контрреволюционной организации» и «антисоветскую деятельность», в 1940-е — за «сдачу в плен» и «пораженческие взгляды» и так далее», — рассказал Сергей Кропачев.

«Точных цифр, до десятков, сотен, тысяч, мы уже установить не сможем никогда. Для нашего края, безусловно, самыми драматичными стали события завершающего этапа коллективизации и голод 1932–1933 гг., а также Большой террор», — считает историк.

По словам Кропачева, в Северо-Кавказском крае, в состав которого входила и Кубань, в начале 1930-х годов от голода, репрессий и депортаций, по мнению авторитетных историков, погибло от 620 тысяч до 1 миллиона человек. «На страницах издания часто встречаются упоминания об осуждении наших земляков по печально известной 58-й статье в середине 1930-х годов», — сказал он.

В «Книге памяти» биографии репрессированных и впоследствии реабилитированных граждан располагаются в алфавитном порядке и содержат фамилию, имя, отчество, год и место рождения, национальность, принадлежность к партии, образование, социальное положение, место жительства на момент ареста, место работы, должность, дату ареста,

предъявленное обвинение, кажим органом осужден, меру наказания, сведения о реабилитации.

Всего за 10 лет региональному «Мемориалу» удалось выпустить в свет четыре тома «Книги памяти» с 13 997 именами. Выпущенный в 2005 г. первый том «Книги памяти жертв политических репрессий Краснодарского края» содержит сведения 5070 таких фамилий, второй том (2008 г.) — 4147 имен, третий том «Книги памяти» вышел в 2010 г. с 2477 именами. Каждый том выпущен тиражом 500 экземпляров.

Все эти данные членам редколлегии «Книги памяти» приходится устанавливать по архивно-следственным делам и, по возможности, проверять по другим источникам. Всего за 10 лет такой работы набрано в электронном виде пять томов «Книги памяти», выпущены в печать четыре тома, еще один планируется к печати в декабре текущего года.

«Все они — острая боль, в одинаковой степени»

Презентация IV тома «Книги памяти», приуроченная к 10-летию Краснодарского «Мемориала», оказалась не только монологом и своего рода отчетом, но и живой дискуссией на темы репрессий прошлого и настоящего.

Николай Алешин, профессор и общественный деятель, говорил о религиозных репрессиях, заметив на примере местной немецкой лютеранской общины, что репрессии до сих пор продолжаются. Лютеранская община Краснодара почти 10 лет активно добивается возвращения ей кирхи, которая

была построена краснодарцами-лютеранами немецкого происхождения в XIX веке и отнята у общины большевиками после октябрьского переворота 1917 г. За эти годы были и публичные протестные акции, и переговоры с властями, и обещания. Однако в здании бывшей кирхи в настоящий момент находится художественная галерея.

Параллели между временем советских репрессий и современностью проводили практически все выступающие, неоднократно вспоминая о новых законах о НКО, ювенальной юстиции, но более всего о проблемах памятников. Именно сложности в возведении мемориалов памяти жертвам политических репрессий и есть, по мнению участников встречи, реальное отражение отношения современного государства к своей истории и невинно загубленным жизням предков.

«Я сам член семьи репрессированных. Моих родителей выслали в Казахстан, где я и родился. Оба деда мои расстреляны. Я помню, когда лет в 12 начал расспрашивать родителей, почему мы оказались в Казахстане, ведь это совсем другой народ, они мне просто боялись рассказывать», — вспоминает Василий Аманатиди, один из руководителей общества греков Краснодара.

По его словам, в 2010 г. греческое общество при поддержке местного «Мемориала» смогло добиться установления в Краснодаре памятника репрессированным грекам («30 октября» писала об этом в №102). Более того, имена порядка 5,5 тысяч греков, репрессированных на Кубани, собраны в двухтомник, который, по данным Сергея Кропачева, будет опубликован уже в этом декабре. «Этот памятник репрессированным народам — пока в Краснодаре только один. Но эту работу необходимо продолжить», — уверен Аманатиди.

Заместитель исполнительного директора краевого отделения общества «Мемориал» Борис Аленский в свою очередь отметил, что работа в этом направлении хоть и медленно, но ведется. Правда, далеко не силами местных властей. «На Всевыском кладбище в Краснодаре возводится мемориальный комплекс. Там стоит часовня, рядом сооружен гранитный купол, под которым в середине стоит крест памяти жертв репрессий большевиков. Там же облагораживается место массового захоронения заложников Екатеринодара. После того как будет обрамлена могила,

там будут установлены таблички с именами убиенных заложников. Сегодня это все делается силами местной епархии», — сообщил он. Также, по словам Аленского, там будет построен храм, где планируется таким же образом увековечить память невинно загубленных священников Кубани, у стен этого собора будет организовано их перезахоронение.

Большинство из местных экспертов уверены, что власти не делают нужных шагов по исправлению ситуации в государстве, «забывающем уроки истории». «Действительно, у нас наконец-то поставили памятник репрессированным грекам. Но это один памятник! — возмущен православный историк-исследователь, краевед Сергей Кодаш. — У нас в Краснодарском крае памятников Ленину, наверное, около 500, по стране — тысяча 10–15 минимум. А сколько еще памятников другим — Марксу, Дзержинскому и иным «великим» деятелям революции? Сколько улиц носит их фамилии?!»

Член редколлегии краевой «Книги памяти» Людмила Селиванова заметила, что огромная работа, проделанная в течение 10 лет при составлении списков будет продолжаться, поскольку есть люди, которым это не только интересно, но и близко, «даже если эта трагедия напрямую не коснулась их семей». «При подготовке «Книги памяти» мы не делаем различия между национальностями, статусами, профессиями. Там много хлеборобов, разнорабочих, малограмотных, священнослужителей, офицеров... Все они — просто острая боль, в одинаковой степени», — подчеркнула Людмила Селиванова.

«Это просто вопрос нашего восприятия мира. Мы делаем то, что нам под силу, и то, что нам диктует совесть», — пояснил председатель правления краевого отделения «Мемориала» Сергей Кропачев. — Работа над «Книгой памяти» на Кубани будет продолжаться до тех пор, пока не будут названы все до одной невинные жертвы тоталитарного режима».

Наталья ДОРОХИНА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Краснодар

Фото автора

На снимке: на презентации IV тома «Книги памяти жертв политических репрессий Краснодарского края»

ОТДЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРНЫЙ ПУНКТ

➤ Окончание. Начало на с. 5

баракы. А родившиеся в этих же бараках дети, подрастая, залезали на вышки, с которых за их отцами и матерями следили вохровцы. «Проволока эта еще долго вилась в зонах бывших лагерей. Начали строить новые дома, постепенно все атрибуты лагерные поубирали. Наша земля полита потом и кровью, мы ходим по косточкам «узников», — говорит Анна Васильевна. И это не просто книжная фраза, а суровая действительность тех лет.

Воркута не позволяет забыть то, что было, — сказала Ольга. — У нас аура другая, нежели в других городах. Мы часто проводим мероприятия среди молодежи, связанные с тем периодом истории, литературные вечера. И знаете, ребята очень серьезно относятся к этому.

Ольга рассказала, что год назад весной на джипах на Север приехала группа поляков. Приехали европейцы посмотреть, где располагался

один из особых лагерей — Воркутлаг. У идейного вдохновителя польской группы здесь сидел дед.

— На сегодня в акции «Гулаговская история Воркуты», которая пройдет в конце августа — начале сентября, согласились принять участие граждане Венгрии, Польши и Германии — все они потомки заключенных, — говорит Виталий Трошин. — Мы сначала создали туристический комплекс «Большая Уса», это в полтора километра от строящегося лагеря. Было решено построить так, как это было тогда. Волонтеры будут жить в туркомплексе, а на строительство должны будут отработать по восемь часов. Каждая группа будет трудиться на «своем» бараке, который станет впоследствии частью музейного комплекса. Молодым людям будет предоставлено только питание — так что потомки заключенных добровольно погрузятся в тяготы жизни своих родных, ставших жертвами сталинских репрессий.

И потом, если создавать ту, реальную картину лагерей, то все должно быть так, как это было тогда: и та же баланда, и туалеты, и прочие «удобства», о которых мало кто имеет представление — что это было такое. Чтобы помнить, вовсе не обязательно устраивать шоу на тему ГУЛАГа.

И все же не все так просто с этим проектом, «30 октября» попросила прокомментировать проект члена правления «Международного Мемориала», руководителя фонда «Покаяние» (г. Сыктывкар) Михаила Рогачева:

«Я думаю, что сооружение этого комплекса, как задумано изначально, дело хорошее. Но, на мой взгляд, не стоит, как предлагает бывший мэр Воркуты Игорь Шпектор, кормить посетителей баландой и предлагать им провести несколько ночей в бараках. Не нужно делать из этой идеи аттракцион. Нельзя забывать, что такое — воркутинская земля, что пришлось пережить тем, кто попал под жернова сталинских репрессий.

И потом, если создавать ту, реальную картину лагерей, то все должно быть так, как это было тогда: и та же баланда, и туалеты, и прочие «удобства», о которых мало кто имеет представление — что это было такое. Чтобы помнить, вовсе не обязательно устраивать шоу на тему ГУЛАГа.

Но сама идея создания мемориального комплекса заслуживает уважения, учитывая то, что в этих краях было столько лагерей, в которых в нечеловеческих условиях содержались жертвы сталинских репрессий.

Что же касается инвестора — владельца ООО «Монолит-Групп» Алексея Оваца, скажу только, что я с ним не знаком. Знаю, что он на-

ходится под арестом. Его подозревают в связях с ОПГ «Ифы-Козлова». В каких делах он там замешан, что делал — это станет известно, когда закончится следствие».

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

«С 1934 г. по 1960 г. через лагпункты Воркутинского лагеря НКВД-МВД СССР прошли несколько сотен тысяч человек, десятки тысяч погибли. Это был самый крупный остров Архипелага ГУЛАГ на территории Европейского Севера России вообще, Коми края. В частности, Воркута известна упорным сопротивлением заключенных. Заключенные Воркутлага использовали все имеющиеся виды и способы борьбы — от голодовок и вооруженных восстаний до массовых забастовок. Поэтому Воркута — не только символ ГУЛАГа, но и символ сопротивления ему».

Ухтинско-Печорский лагерь (Ухтпечлаг) был одним из самых мрачных. Достаточно сказать, что легендарный Воркутлаг изначально был лишь его частью. В историю Ухтпечлага вошли «Кашкетинские расстрелы» 1937–1938 годов. Тогда здесь начались волнения среди заключенных, и начальник лагеря Ефим Кашкетин разделался со смутьянами просто и безжалостно: людей якобы переводили в другой лагерь, колонной вели через тайгу, где в определенном месте их ждали пулемет и заготовленная могила. В несколько этапов так было расстреляно 2614 человек», — рассказала Ольга Хмара, ссылаясь на данные сайта «Национальной библиотеки Республики Коми».

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

С 30 октября по 24 ноября в Перми прошла выставка «Неперемолотые. Опыт духовного сопротивления на Урале в XX веке».

Экспозиция посвящалась христианам, попавшим в мясорубку советской истории, террора и репрессий, но сохранившим в себе самое важное — верность Богу, человеческое достоинство, любовь, правду и свободу.

Экспозиция рассказывает о судьбах людей — духовенства и мирян

Выставка уже побывала в 18 городах России: в выставочном зале КПЦ «Преображение» в Москве, Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге, мемориальном музее «Следственная тюрьма НКВД» в Томске, в Челябинском областном краеведческом музее, в КПЦ Екатеринбургской митрополии «Патриаршее подворье», в музеях Твери, Воронежа, Архангельска, в залах Рязани, Пскова и других городах.

К экспозиции, по словам ее автора Оксаны Ивановой, проявляют интерес люди самых разных профессий и социального положения, что, по мнению музейного работника, является показателем, учитывая, что речь идет не о посещении Третьяковской галереи или Эрмитажа. Выставка в Перми, по словам Оксаны Ивановой, отличается соучастием такого партнера, как «Мемориал», и масштабом доверия — ее посещают люди различных интересов и социального статуса.

Экспозиция в Перми была приурочена к Дню памяти жертв политических репрессий. Особое место в ней занимают документы о новомучениках и исповедниках веры, жизнь и служение которых связаны с Пермской землей: о епископе Андронике (Никольском), епископе Павлине (Крошечкине), архимандрите Таврионе (Батозском), епископе Аркадии (Ершове), и многих других.

«Не дай Бог нам такое пережить еще раз!» — прокомментировал выставку Александр Михайлович Калих, почетный председатель Пермского «Мемориала». По его мнению, повторное надругательство над народом приведет к национальной катастрофе. «Наши идейные вожди сделали выводы из прошлого: они поняли, что вовсе не нужны массовые пытки и расстрелы. Проводится направленное возвращение к средневековой аморальности — запуганным народом легче управлять».

«Задача духовного сопротивления сегодня не менее, а может быть, и более актуальна, чем в годы сталинских репрессий. Остаться свободным в условиях полусвободы сложнее в силу «раздрганного сознания», когда вокруг масса противоречий, масса расколов и конфликтов каждого с каждым. Как мы выйдем из этого состояния — в этом и есть будущее России, как мне кажется», — считает Александр Михайлович.

Выставка в Перми была сделана подчеркнуто скромно, не парадно. По мнению Калиха, сама тема — не парадная и, на первый взгляд, лишена героизма. «Речь ведь идет о духовном сопротивлении в годы политических репрессий», — рассказал Александр Михайлович. — Выставка о том, как остаться свободным в несвободное времена, как остаться человеком и сохранить свою веру».

«Неперемолотые» — это первый опыт сотрудничества православной организации — Свято-Филаретовского института и «Мемориала».

Выставка рассказывает о судьбах людей — духовенства и мирян, пострадавших за свою веру, но дающих твердую уверенность, что даже в самые тяжелые времена в человеке есть сила для того, чтобы быть источником света, радости и вдохновения. Об их духовном подвиге свидетельствуют архивные документы, фотографии и личные вещи, вместе пережившие со свои-

«НЕПЕРЕМОЛОТЫЕ» —

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ЛЮДЯМ, СОХРАНИВШИМ ВЕРУ

ми владельцами годы террора, лагерных ссылок и гонений. По словам Ларисы Мусиной, заведующей учебно-методическим отделом Свято-Филаретовского института, выставка «Неперемолотые» в основном состоит из историй, которые отображают не только трагедии XX века, но и стойкость людей в условиях несвободы. Как пример Лариса Мусина привела истории смерти архиепископа Андроника и дьякона Дмитрия Тохтуева. «Простой дьякон Дмитрий Тохтуев, которого в 1937 г. поставили перед выбором: или ты отречаешься от своей веры, как-то начинаешь с органами сотрудничать, или — или... А он был отцом семерых детей. Тохтуев ответил: «Я, конечно, боюсь, как всякий нормальный человек, но совесть моя не позволяет мне поступить по-другому». Он был расстрелян тогда же, в 37-м году».

Специфика экспозиции в том, что тема церковных музеев только создается

Оксана Иванова, автор выставки «Неперемолотые. Опыт духовного сопротивления на Урале в XX веке», на протяжении полугода занималась сбором экспонатов и привлечением различных структур к этой теме. «Тема духовного сопротивления выпала из поля зрения», — рассказывает Иванова. — Специфика нашей выставки состоит в том, что тема церковных музеев только создается. Этой проблематикой никто не занимался ни в советское, ни в постсоветское время. В результате все это рассеяно по разным структурам — государственным, частным, церковным. Наша задача состояла в том, чтобы найти экспонаты и архивные документы, собрать их и концептуально оформить».

Идея проведения подобной выставки возникла у выпускницы Свято-Филаретовского института, для которого тема новомучеников и исповедников в XX веке является одной из ведущих, сразу после окончания института. Готовить эту выставку, по словам Ивановой, было очень легко: после появления идеи все стало складываться само собой.

«Свято-Филаретовскому институту, чтобы найти ракурсы этой проблемы, понадобилось 20 лет. Была проделана огромная работа, — продолжает автор выставки. — Нам же потребовалось всего полгода для того, чтобы собрать экспонаты. Перед нами стали чудесным образом открываться архи-

вы. Кроме того, в каждом городе есть хоть один краевед, который имел эти уникальные реликвии и как будто ждал момента, когда их можно будет принести, показать, а иногда даже пожертвовать для нашей экспозиции. Наша экспозиция пополняется новыми экспонатами от города к городу. Это как снежный ком».

Среди экспонатов выставки есть редкие документы, в том числе акт о запрещении празднования Рождества Христова в лагере «Пермь-36» от 6 января 1975 г.; памятка священника с перечислением предметов, которые необходимо спасти в случае внезапного закрытия храма; рисунки к автобиографии биолога, писателя и художника Виктора Гребенникова, выполненные в стиле комиксов. На картинке, посвященной банному дню в лагере, изображены исхудавшие люди с торчащими позвонками. В сопроводительном тексте художник пишет: «У эзков отрастали хвосты: из-за худобы были видны копчиковые кости».

Есть удивительным образом сохранившиеся с 1930-х годов прошлого столетия манишка, которая использовалась для тайных богослужений; крест, отлитый из легкоплавкого железа; блюды, использовавшиеся для крещения; лагерная посуда; роботы — все это подлинники. Кроме того, среди экспонатов выставки есть две метрические книги с записями о двух убитых священниках — тех, кто вел эти книги. В одном случае запись гласит: «Убит большевистской властью», а в другом — «Убит красноармейцами».

Представить, что историческая экспозиция, имеющая более 300 единиц хранения, будет ежемесячно экспонироваться в разных городах, изначально было невозможно

«Одно из направлений выставки — показать то давление, тот пресс, который испытывали христиане. Иногда это было прямое мученичество. Иногда и творческий ответ, в частности опыт странствующего священничества», — говорит Иванова. Выставка рассказывает о судьбе одного из таких странствующих священников — Михаила Суханова. Он почти 30 лет бродил вокруг Челябинска. У него было такое правило: больше одного дня в деревне не оставаться. Из-за этого ему пришлось оставить свою семью и двоих детей, поскольку надо было выбирать: или семья, или служение Богу. В архиве НКВД на-

шлись документы, свидетельствующие о том, что его активно разыскивали, но так и не нашли — он умер на свободе.

«Благодаря этой выставке я могу назвать себя странствующим музейщиком», — говорит Оксана Иванова. — Я практически каждый месяц бываю в каком-то городе с этой выставкой. За неполных два года мы посетили 18 городов».

Оксана Ивановой 41 год, она — мама пятерых детей. Музейщик по образованию, она и представить себе не могла, что историческая экспозиция, имеющая около 300 единиц хранения, будет ежемесячно экспонироваться в разных городах. «Изначально передо мной стояла цель: провести выставку в Москве и в Ижевске, — продолжает Оксана. — Я понимала, что эта выставка может быть интересна небольшому сегменту верующих людей. Но, к моему удивлению, начали приходить просьбы приехать в различные города».

Кроме того, оказалось, что к идее проведения этой выставки очень хорошо отнеслись музеи из разных концов страны — от Петербурга до Томска.

«Неперемолотые» — это название наиболее точно соответствует их подвигу

«Нам хотелось говорить не только о мучениках — о тех, кто сохранил свое достоинство и пострадал за веру. Но была ведь, кроме них целая плеяда выдающихся исповедников — тех, благодаря которым мы и имеем веру, исповедников, которые несли в себе традицию. Одним из таких исповедников был архимандрит Таврион (Батозский), который жил в Перми, а затем 30 лет отсидел в лагерях».

Некоторых сломили: кто-то отрекся, кто-то хранил веру, но не мог передать ее дальше. Выставка посвящена тем, с кем ничего не смогли сделать. Не смогли потому, что они нашли свой путь. Путь прямо-

го мученичества, тайного священничества, бесконечных странствований. Отец Сафрон, отсидевший 30 лет в лагерях, свидетельствует: «Во мне сгорело все, кроме любви». К нему ежедневно обращалось до шестистот паломников. И таких судеб много.

Посетители должны уходить с выставки с чувством катарсиса

«Для меня как для автора проекта идеальным было бы, если бы посетители вышли с нашей выставки с чувством полного катарсиса, — говорит Оксана Иванова. — С благодатными переживаниями, с чувством переосмысления, с новым взглядом на мир, на себя, на Церковь, увидев ее в ее славе, подвиге, героизме».

Выставка, по мнению ее автора, должна дать ответ на вопросы о том, что есть сейчас в душе человека. «У нас в стране не осталось ни одной институции, которую не захлестнула бы волна внешнего и внутреннего зла, — отмечает Иванова. — И люди должны выйти с выставки с чувством очищения от этой скверны и грязи, с чувством победы и с уверенностью в том, что зло можно победить!»

Из Перми выставка отправится в Кемерово, а затем в Хабаровск.

Выставка была организована культурно-просветительским фондом «Преображение», Пермским отделением Общества «Мемориал», Государственным комитетом по делам архивов Челябинской области при поддержке Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края.

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru

специально для «30 октября»
Фото из архива КПЦ «Преображение»
На снимке: стенд экспозиции

Точное число репрессированных священнослужителей неизвестно.

Арсений Рогинский, председатель правления «Международного Мемориала», сказал, что мы считали общее число репрессий, а отдельно по социальным слоям подсчеты пока не проводились. По данным, приведенным в ноябре 1995 г. председателем Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий Александром Яковлевым, за годы советской власти были уничтожены 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона христиан подверглись репрессиям. По данным Комиссии по реабилитации Московской Патриархии, к 1941 г. в СССР за веру были репрессированы 350 тысяч человек: из них 150 тысяч арестованы в 1937 г. больше половины из них — 80 тысяч — расстреляны. В сводной справке Центрального архива ФСБ есть данные по отдельным годам. Так, например, согласно этой справке, с 1923 по 1927 гг. было арестовано 7733, а с 1929 по 1936 гг. — 56 169 священнослужителей.

КТО СТРОИЛ МОСКОВСКОЕ МЕТРО

Постоянных жителей во многих бежецких селах Тверской области, как и по всему российскому Нечерноземью, осталось так мало, что, кажется, еще немного — и вовсе они опустеют. Тем удивительнее память о событиях более чем семидесятилетней давности, сохраняемая в этих уголках. Память эта может совсем заглохнуть, если не найдутся люди, имеющие потребность собирать обрывки истории в надежде сложить из них более или менее целую картину нашего прошлого.

30 октября в Бежецком районе Тверской области открыт памятный знак погибшим политзаключенным.

Для Анатолия Серова, кандидата физико-математических наук, преподавателя Тверского государственного университета, история родного села Шишково — часть собственной жизни, а изучение этой истории — понимание чего-то важного о самом себе. Потому и взялся он расспрашивать односельчан о том, что было здесь задолго до его собственного рождения.

И, выяснив нечто, по его мнению, немаловажное для всех, пришел в Тверской «Мемориал». Итак.

Село Константиново находится в паре километров от дороги Бежецк—Вышний Волочок. Совсем недалеко от церкви села живет Валентин Васильевич Васильев, родом из Красносельки. В предвоенные времена он ходил в Шишково-Дубровскую школу и хорошо помнит окружавшую заброшенные сейчас карьеры колючую проволоку с вышками по углам и на них охрану в буденновках и с винтовками. Лагерь было два: один рядом с Константиновом, другой ближе к Каблукову. А Шишково-Дуброво, географически между ними, — чуть в стороне. Железную дорогу, по которой вывозили песок и гравий, и сейчас еще можно вычислить по остаткам насыпи.

То же самое помнит и Алексей Николаевич Васильев, ходивший в школу той же дорогой, что и его однофамилец. В 1940 г. лагеря еще действовали, но во время войны гравий и песок уже не возили, а проволоку убрали. В оставшихся на месте лагеря бараках после войны жили рабочие, добывавшие торф на Загорско-Реченском торфопредприятии, расположенном недалеко.

О том, как жили и работали и как вообще попали сюда заключенные, в окружающих карьерах деревьев предпочитали не говорить, тем более с детьми. Так что никаких подробностей оба Васильева добавить не могли.

В 1950-е годы жившая в Дуброве Наталья Сапожкова с гордостью показывала местной учительнице красную книжечку, удостоверяющую, что ее обладательница является работником Московского метрополитена им. В.И.Ленина. Поскольку сама Сапожкова из Дуброва никогда не выезжала, ее отношение к московскому метро выглядело загадочным. Учительница Лидия Александровна была человеком любознательным, а Сапожкова — словоохотливой. И рассказывала, как работала она вахтером на карьере, из которого добывали гравий для метростроя. Механизации, по ее словам, не было никакой. Заключенные работали кирками и лопатами. Сортировали песок и гравий вручную. Условия жизни и работы были такими, что смертность среди заключенных была исключительно высокой. Одних косила цинга, другие, не выдержав такой жизни, сами сводили с ней счеты. Понятие «техника безопасности» на заключенных не распространялось, поэтому нередки были случаи, когда стены свежих выработок обваливались, заживо погребая работавших внизу.

Лидия Александровна уже несколько лет живет в селе Ведном Рамешковского района. Но по-

скольку Анатолий Серов связи со своей учительницей не потерял, то нашел ее на новом месте. Очевидно, что рассказы «метростроевки» Сапожковой поразили учительницу. Она в подробностях пересказала Серову о месте, где хоронили умерших заключенных, — рядом с существующим дубровским кладбищем, ближе к Каблукову.

Место это прямо рядом с шоссе Бежецк—Вышний Волочок. Анатолий обошел эти места еще летом этого года и был твердо уверен: в лесу, выросшем уже в послевоенные годы, должны лежать останки репрессированных сограждан.

Однако жители Шишково-Дуброво Воробьевы со слов старожил утврждали иное: заключенных хоронили по другую сторону шоссе, примерно в полутора километрах от указанного ранее места. Поскольку это новое место оказалось ближе ко второму лагерью, скорее всего речь шла о двух захоронениях для двух разных лагерей. Один из них считался метростроевским, другой — волгостроевским.

Но из литературы по истории ГУЛАГа стало понятно, что метростроевских лагерей в природе не существовало. А вот гулаговское управление под названием Волгоград или Волголаг хорошо известно. Центр его базировался в Рыбинске, у самых границ Тверской области. Система ГУЛАГа административных границ не придерживалась и ответвления Волголага возникали и в Ярославской, и в Калининской, и в Московской областях. Рабский труд эзков широко использовался на самых разных «великих стройках». Вряд ли мог обойтись без него «высочный» проект сталинского режима под названием «метрострой».

Вот что писали в 1935 г., когда в Москве была пущена первая линия метрополитена, начальник Метроснаба А.И.Левченко и его заместитель И.Г.Айнгорн: «Общее количество железнодорожных вагонов с грузами для метро, выстроенных в одну беспрерывную линию, заняло бы оба пути, соединяющих Москву с Ленинградом. Гравием, бутом и щебнем, полученными для бетонных работ на метро, можно было бы с краями засыпать Москву-реку на расстоянии 3 километров». Речь шла о так называемых инертных материалах, необходимых для строительства только одной линии метро. Сколько их понадобилось для всего Московского метрополитена, трудно себе представить. Далее ведущие снабженцы метростроя рассказывают о том, каких усилий требовало создание столь мощного карьерного хозяйства, поскольку существовавшие в начале строительства (это примерно 1933 г.) карьеры не отвечали поставленной задаче. Среди карьеров, не имевших на тот момент подъездных железнодорожных путей, называют и карьер Шишково. В то время на этом причисленном к ведомству метростроя карьере, возможно, работали «вольные» рабочие, но для того, чтобы резко поднять выработку, да еще и построить железнодорожную ветку, их явно не хватало. «Отружаемая продукция была чрезвычайно низкого качества, — свидетельствуют Левченко и Айнгорн. — Снабжение рабочих на карьерах было поставлено очень плохо. Механизация отсутствовала. Плановой вербовки рабочей силы не существовало. Каждый карьер рассылал по различным районам своих агентов, которых брали всех, кого только было можно». Но работать в таких условиях по своей воле желающих на-

ходило мало. Выручить мог только ГУЛАГ.

Установить, когда именно метростроевский карьер Шишково превратился в концлагерь, для каких целей был создан второй лагерь и многое другое, можно было лишь путем архивных изысканий.

Самое главное — это имена работавших там заключенных. Сколько их было? Сколько из них умерло от голода, болезней и непосильного труда? Где точно находятся их останки?

Ответить на эти вопросы трудно, но необходимо.

Казалось, можно бы остановиться и подождать, пока за дальнейшее исследование возьмутся профессиональные историки. Но у памяти и совести свои законы. Местный житель Юрий Илларионов предложил «мемориальцам» помочь в создании памятника у предполагаемого места захоронения заключенных. Для нас особенно важно, что это была местная идея — крайне сложно поставить памятник там, где нет людей, непосредственно в этом заинтересованных. Здесь все оказалось по-другому.

Многое взял на себя сам Юрий Илларионов: доставил на своем экскаваторе огромный валун из того самого шишковского карьера и помог установить его на выбранном для памятника месте. Изготовить крест брались разные люди, так что у нас был даже выбор. В итоге появился пятиметровый черный крест с терновым венком — как говорят, очень похожий на Голгофский крест в Иерусалиме. Главную роль в его изготовлении, доставке и установке сыграл Александр Романов. Не возникало и финансовых проблем: практически все помогал бескорыстно, а расходы на металл и доставку взял на себя старый друг «Мемориала» Александр Лезнев.

Как ни удивительно, но внимание и поддержку нашли мы и у местной власти — как у главы Шишковского сельского поселения Галины Ушаковой, так и у главы администрации Бежецкого района Олега Дубасова. Были оповещены местная пресса, общественность, организован транспорт для доставки людей, так что церемония открытия памятного знака 30 октября 2012 г., как и предвещавшее ее освящение Поклонного креста, прошла вполне достойно. С особым вниманием участники короткого митинга выслушали Евгения Ивановича Степанова, почтенного ветерана, жителя деревни Малые Каменки. Здесь, на остатках бывшего лагеря, проходило его детство, он слышал рассказы взрослых о том, что здесь происходило. Хочется верить, что памятный знак и крест, хорошо видные с дороги Бежецк—Вышний Волочок, дадут толчок памяти других старожил — из тех, что бываю в этих местах только в летние месяцы. И тогда мы узнаем что-то еще о происшедшей на бежецкой земле трагедии.

Открытие еще одного памятника жертвам 1930-х годов, несмотря на скорбный повод, прошло в атмосфере скорее воодушевляющей. Слшком дорогой ценой достался нам исторический опыт, чтобы мы позволили себе закрыть на него глаза. Мы помним. И это значит, что как народ мы живы.

Сергей ГЛУШКОВ,
Тверь

Фото Александра Солодкова.
На снимке: крест несут и ставят тверские «мемориальцы»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН — ШАГ К НАШЕЙ СВОБОДЕ

➤ Окончание. Начало на с. 1, 2

поддержку преследуемых по политическим мотивам. В нем приняли участие от 1,5 до 2 тысяч человек. Это был самый многочисленный митинг в этот день с 1991 г. И это понятно: количество политзаключенных растет с каждым месяцем — впервые с советского времени уголовные преследования противников власти набрали такой мощный оборот.

Возможно, участников акции было бы на порядок больше, если бы не шел ледяной дождь с ветром. Одна женщина закрывалась плакатом с надписью: «На Колыме погода гораздо хуже». На акцию собрались самые стойкие — те, кто не мог не прийти.

Организаторами митинга выступили «Комитет 6 мая», защищающий фигурантов дела о «массовых беспорядках» на московском митинге оппозиции 6 мая этого года, Союз солидарности с политзаключенными, Правозащитный центр «Мемориал», движение «За права человека», Московская Хельсинкская группа.

Перед собравшимися выступили члены Совета Правозащитного центра «Мемориал» Александр Черкасов, активист «Мемориала» Ярослав Леонтьев, лидеры оппозиции Гарри Каспаров и Сергей Удальцов, Сергей Давидис и Анна Каретникова, родственники и соратники узников совести.

Один из лидеров движения «Солидарность» со сцены призвал жертвовать деньги на помощь арестованным в фонд «РосУзник» и Фонд помощи ПЗК — Союзу солидарности с политзаключенными. Положить деньги в опломбированные ящики можно было тут же.

Много плакатов было посвящено арестам по делу о «массовых беспорядках» 6 мая на Болотной площади. В этом деле пока 17 обвиняемых (обещают больше), а один — Максим Лузянин — уже осужден к 4,5 годам лагерей. В толпе были видны портреты политзаключенных: Ходорковского, Лебедевых, Осиповой, Развозжаева, Акименкова, Кривова, Кавказского...

«На репрессии ответим солидарностью!», «Сроки политзаключенных стучат в моем сердце!», «Мы вас ждем!», «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление!» — гласили лозунги.

Находящийся под следствием Сергей Удальцов, выступая, заметил, что сам «одной ногой на свободе, а другой — в тюрьме». «Зимой мы звали власть за стол переговоров. А она нам на переговоры прислала следователей, фабрикующих уголовные дела. Это вызов, и на него мы должны ответить сплоченностью, иначе весь этот год мы боролись зря», — заявил координатор «Левого фронта».

О положении своих близких и необходимости их поддержки говорили с трибуны отец «болотного» узника Артема Савелова, невеста арестованного после фильма «Анатомия протеста-2» Константина Лебедева.

Отец политзаключенного Даниила Константинова говорил: «Наступает зима, холодно на улице и в камерах наших близких. Когда я собирался на митинг, я спросил Даниила, что передать Москве? Он сказал: «Москва, не спи — замерзнешь!»

Гарри Каспаров в своей речи призвал собравшихся к сплоченности. Он выразил уверенность, что только солидарность может прекратить репрессии.

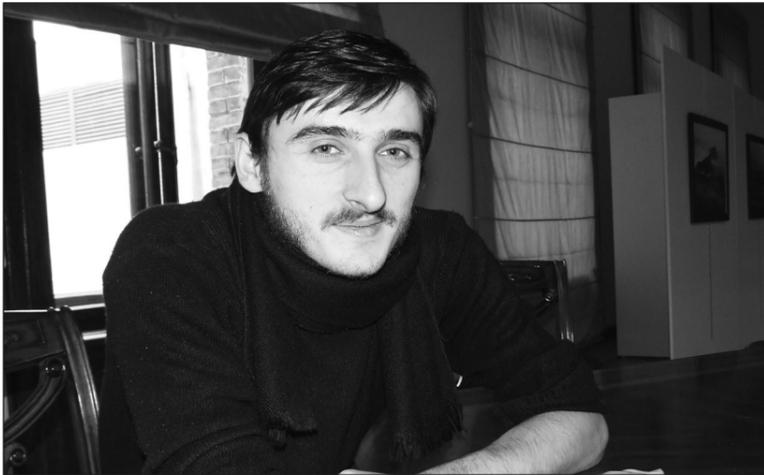
«Свободу политзаключенным!», «Долой власть чекистов!» — скандировала Пушкинская площадь.

Вячеслав ФЕРАПОШКИН,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru

специально для «30 октября»
Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва
На снимке: 29 октября у Соловецкого камня

«ПОТЕРЯННАЯ ИСТОРИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ О РЕПРЕССИРОВАННЫХ ЖЕНЩИНАХ»

В Национальной парламентской библиотеке Тбилиси 9 ноября состоялась презентация книги «Потерянная история: воспоминания о репрессированных женщинах», изданной НПО «SOVLAB». В книгу вошли истории 13 женщин, репрессированных как жены и дочери «врагов народа». Издание основано на архивных документах, включает в себя мемуары, дневниковые записи, письма женщин, и в этом его уникальность, считает составитель книги журналист, исследователь советского прошлого Ираклий Хвадагани. Он рассказал «30 октября» о работе над книгой, которая длилась около года. Издание осуществлено при финансовой поддержке Немецкой ассоциации народных университетов и Федерального министерства по экономическому сотрудничеству и развитию Германии.

Она рассказала «30 октября» о своей жизни.

«Папу моего хоть и арестовали, но выслали не стали, он был хорошим специалистом и был здесь нужен. А маму и меня с сестрой выслали в Среднюю Азию. Тогда депортировали всех немцев поголовно — всех, даже наших соседей старушек-сестер, которым было за 80 лет. Ну что эти старушки могли сделать?!»

Мария-Елизавета родилась в 1926 г. в Тбилиси, в семье профессора химии Александра Оттена и учителя русского языка и литературы Ирины Завриевой. Как рассказала сама Мария, когда начались гонения на немцев, родители решили развестись, так как мать Марии была армянкой и это могло бы помочь избежать ареста и депортации всей семьи. Но на второй же день развод был аннулирован. Мария Оттен вспоминает: за ними приехали в октябре 1942 г.

«Мы собрали только те вещи, которые могли нести. Я помню хорошо, как взяла с собой книгу «Сага о Форсайтах», и пока ехали, мы с сестрой читали эту кни-

гу. Папа мой остался под арестом в Тбилиси. Он умер через несколько дней после нашего отъезда от разрыва сердца...»

По воспоминаниям Марии, до Казахстана им пришлось добираться целый месяц. Их никто не принимал, мест уже нигде не было: «все кругом было забито немцами, которых уже выселили из других регионов Союза».

«И в конце концов мы оказались в Северном Казахстане, в селе Родники Вишневого района, легко одетые, в туфельках, а там уже было 20 градусов мороза. Мама закутала нас во всю одежду, которая была. А ей самой уже ничего не осталось, у нее тогда отморозились пальцы на ногах, чуть гангрена не началась».

Их с сестрой и мамой распределили жить в семью раскулаченных крестьян. «Вы можете себе представить, что и так эти люди озлоблены, у них же все отобрали, выслали в Казахстан, они все с нуля начинали, сами этот дом построили, а тут еще им немцев в дом заселили. Конечно, мы были для них «фрицами».

В ту первую зиму в Казахстане им совсем нечего было есть, они подбирали кожуру от картошки, варили ее и пили остатки молока, которое соседи недопивали, с грустью вспоминает Мария.

Один эпизод из жизни в Казахстане Мария Оттен вспоминает с большой эмоциональностью: «Вы знаете что такое трудовая армия? Трудармия — это смерть».

Она рассказала, что когда в село приезжала комиссия из трудармии, они устраивали облавы на детей и забирали их, а родители об этом узнавали постфактум, и никто не в силах был помочь ни детям, ни родителям.

«Там заставляли зимой рыть траншеи, строить. Это было фактическое убийство. Кто-то умирал на месте, кто-то чуть позже. У председателя колхоза были хорошие отношения с моей мамой, так как ее дети учились в школе, где мама преподавала. Та предупредила маму, что завтра с утра комиссия из трудармии придет — детей забирать. Мама, вернувшись домой, велела мне на ночь глядя идти в соседний район к нашим знакомым. Я пошла босиком семь километров через степь. И навстречу волк... он смотрит на меня, я — на него... Он развернулся и убежал! Я пошла дальше и увидела остатки ягненка: волк был уже сытый и, наверное, поэтому не тронул меня. Так вот я и выжила...»

В 1947 г. Мария-Елизавета Оттен, ее сестра и мать вернулись в Грузию. Мария проработала 55 лет в «скорой помощи», воспитала троих детей и сейчас живет в окружении внуков и правнуков в Тбилиси.

Голоса обычных людей

Заал Андроникашвили, профессор Тбилисского университета Ильи Чавчавадзе в своем пре-

дисловии к книге «Потерянная история: воспоминания о репрессированных женщинах» пишет, что эта книга важна тем, что она дает голос обычным людям. Этот голос обычных людей не слышен даже тогда, когда речь идет об известных репрессированных в Грузии.

Заал рассказал, что когда писал предисловие к этой книге, то вспомнил рассказ Бродского: что когда тот ехал в ссылку в 1964 г., в поезде ему встретился старик, обычный русский старик, и Бродский понял, что о писателях, попавших в лапы КГБ, могут услышать. Но о нем, об этом старике, никто бы не услышал, никто бы не заступился — ни западные журналисты, ни отечественная интеллигенция. Это центральная проблема, которая важна для понимания значения книги. С одной стороны, у этих людей был отнят голос, а с другой стороны — не было аудитории. «Они как бы выпали из нашей памяти», — пояснил Андроникашвили.

По его словам, эта книга — некая попытка компенсации того, что было отобрано у этих людей: голос и аудитория.

«Это издание имеет очень высокую цену как исторический документ. Но у этой книги, у этих воспоминаний есть и еще одна сторона. Я согласен с немецкой исследовательницей, историком и теоретиком культуры Сигрид Вайгиль, которая говорит, что надо уметь различать свидетеля и свидетельство, нельзя такие воспоминания редуцировать, сокращать их только до исторического значения. Они по своей сути являются свидетельствами, и это такая фигура памяти, которая сродни поминальному плачу по этим мертвым».

Книга издана тиражом 1000 экземпляров, продается в книжных магазинах Грузии. Вскоре, в 2013 г., ожидается второй тираж издания.

Эдита БАДАСЯН,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Тбилиси

Фото автора

На снимке: Ираклий Хвадагани

НА МОГИЛЕ ОТЦА 70 ЛЕТ СПУСТЯ

Каждый год на Бутовском полигоне проходят памятные мероприятия, каждый год сюда приходят люди почтить память жертв политических репрессий: приходят помянуть своих родных и близких, чьи имена и место захоронения известны. Но бывает и иначе. Дети и внуки репрессированных не знают, что стало с их родными, полагают, что те сгинули где-то в лагерях и могилу не найти. Одно из объяснений этого в том, что люди не знали, что их родных расстреляли тогда, надеялись годами на освобождение и не знают, как искать информацию сейчас. Именно такая история произошла в этом году. В ноябре в Москву впервые посетил могилу отца, погибшего в годы Большого террора, приехала из Израиля Эстер Бергштейн, вдова одного из виднейших представителей брацлавского хасидизма, одного из течений в иудаизме, раввина Шимона Бергштейна.

Когда арестовали ее отца Мотья-Носона Кока, Эстер было всего шесть лет. Как она рассказала корреспонденту «30 октября», дело было так. Вечером 30 декабря 1937 г. в дом 50-летнего М.-Н.Кока в деревне Чертаново Можайского района Московской области постучали.

— Мама сразу почувствовала, что что-то не так, — вспоминает Эстер. — Мои старшие братья, бывшие в доме, на всякий случай убежали через черный ход, а отец остался. Пришедшие велели ему одеваться, а на вопрос, почему его задерживают, ответили: «Там разберутся». Больше семья М.-Н.Кока его никогда не видела.

Из-за чего был арестован Мотья-Носон Кок, работавший агентом по снабжению Можайского мясокombината, можно узнать из его уголовного дела. Обвиняли его в том, что он являлся «одним из организа-

торов контрреволюционных нелегальных собраний еврейских клериков». В доме М.-Н.Кока, который был глубоко верующим человеком, действительно существовала неофициальная синагога, прихожанами которой были евреи, жившие неподалеку. Откуда в тогдашнем Можайске взялось столько евреев, что для них понадобилась синагога? Судя по некоторым уголовным делам, которые доводилось читать автору статьи и исследованиям московского историка Юрия Снопина в 1920-х-1930-х Москва и Московская область стали убежищем для тысяч религиозных евреев, бежавших из местечек в бывшей черте оседлости. Они стремились укрыться в большом городе и его окрестностях, где местные власти не были так «заточены» на принудительную секуляризацию «еврейской улицы», как это было на

Украине и в Белоруссии. Но если раньше власти смотрели на такие синагоги сквозь пальцы, то в период Большого террора ее содержание рассматривалось как преступление. И вот, когда нашлся доносчик, собиравший НКВД о существовании синагоги, последовало решение об аресте ее организатора как «контрреволюционера».

21 февраля 1938 г., как следует из материалов дела, «тройка» управления НКВД по Московской области постановила расстрелять М.-Н. Кока. 20 марта 1938 г., он был расстрелян на Бутовском полигоне.

— Сестра тогда узнала, где он сидит, и каждый день возила ему передачи, — вспоминает ребецн Эстер. — И вот спустя три месяца после того как его арестовали, у нее вдруг не приняли передачи. Говорят: «Его у нас нет». Она спрашивает: «А где же мой папа? Почему его арестовали — он же ничего не сделал?» А ей отвечают: «Что вы такое говорите — у нас без дела не сажают!» Она заплакала и пошла домой. Мы начали его искать, писали куда только возможно — Ежову писали, Сталину. Но нам только сообщили, что он осужден на 10 лет заключения без права переписки.

Когда началась война, семья Кок эвакуировалась в Среднюю Азию, но даже оттуда они не прекращали

писать письма представителям власти с просьбой сообщить о судьбе отца. Естественно, что ничего нового, кроме того, что им было сообщено в 1938 г., они не узнали.

В 1946 г. Кокам удалось уехать из СССР в рамках проходившей тогда репатриации польских граждан, среди которых было немало евреев. «Мы купили польские паспорта, а брат — даже форму НКВД. Они были провозглашены энкавэдэшниками, за деньги готовы были все сделать — даже мать родную продать, — говорит Эстер Бергштейн. Не задерживаясь в Польше, семья переехала в тогдашнюю подмандатную Палестину, куда хотел уехать еще М.-Н.Кок. Через два года там были провозглашены государством Израиль. Эстер вышла замуж за Шимона Бергштейна, стала уважаемой ребецн (ребецн — жена раввина. — Примеч. ред.), и главой многочисленного клана потомков, насчитывающего несколько сотен человек. Прошло много лет.

— У меня уже все умерли — мама, братья, сестра, я осталась одна. Все эти годы у меня была мечта — найти могилу папы. Я была уверена, что он умер в одном из лагерей в Сибири. В прошлом году я приехала в Москву и, выходя в общине «Дор реви», рассказала о своей жизни и о судьбе моего папы. И тут поднялась одна женщина и сказала: «Я могу попробовать что-то сделать, чтобы помочь вам».

Этой женщиной была прихожанка общины Хая Чернина. Как

она рассказала корреспонденту «30 октября», выяснив имя отца Эстер Бергштейн, она обратилась к своей подруге, имевшей некоторый опыт в интернет-поисках, и та достаточно быстро нашла фамилию М.-Н.Кока в списках расстрелянных на Бутовском полигоне, изданных «Мемориалом». В хранящемся в Государственном архиве РФ фонде Московского управления ФСБ нашлось и следственное дело Мотья-Носона Кока.

Эстер спустя 74 года после расставания с отцом увидела его фотографию и смогла прочесть протоколы допросов, выписку о прошедшем расстреле и т.д. Х.Чернина в своем интервью выразила благодарность «Мемориалу», без деятельности которого, по ее словам, сведения о репрессированных так и остались бы недоступными их родным.

В этом году Эстер Бергштейн приехала на Бутовский полигон в сопровождении детей, внуков и даже правнуков, чтобы почтить память своего отца. Израильцы потрясли как масштабы уничтожения, так и его долговременность. Десять евреев из общины синагоги на Большой Бронной прочли кадиш по расстрелянным на полигоне евреям.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

Дядя Паня

Павел Васильевич Клепак родился на Тернопольщине в 1881 г. в селе Токи, находящемся на границе с Россией, которое разделяла небольшая речка Збруч.

Село часто захватывали другие государства: Польша, Австрия, Венгрия и др. Жителям села приходилось приспосабливаться к жизни этих государств.

Семья состояла из пяти человек: отец, мать, старший брат Иван, сестра и сам Павел. Отец их всегда говорил сыновьям: «держитесь России».

В Первую мировую войну дядю Паню призывают в русскую армию, где он научился шить военное обмундирование.

Несколько солдат (среди них был и Павел Васильевич Клепак) сговорились и перешли к русским (царская Россия) через р.Збруч.

После проверки документов их отправили в разные города России. Клепака направили в Оренбург.

ОТЕЦ ГОВОРИЛ: «ДЕРЖИТЕСЬ РОССИИ»

Павел Васильевич мог свободно говорить на четырех языках: украинском, польском, русском и немецком.

В Оренбурге он познакомился с Настей, моей тетей. 29 июня 1916 г. они обвенчались. Дома или квартиры своей у них не было. Часто жили у нас в маленькой половине дома. Дядя Паня работал в артели «Швейтруд» портным. В 1918 г. у них родился сын Володя.

Дядю Паню потянуло на родину. Его родное село Токи перешло к Польше. Дядя стал переписываться с сестрой и узнал, что брат их Иван уехал в Америку, а родители умерли. В доме родителей живут соседи. В 1924 г. в семье дяди Паня родилась дочь Тоня, в 1928 г. — сын Вася.

Дядя стал хлопотать польскую визу. В 1931 г. ему разрешили выехать на родину. В ГПУ отговаривали мою крестную Настю от поездки в Польшу. Но у нее было уже трое детей, и она поехала с мужем в Польшу.

По приезде им вернули дом родителей. Дядю Паню недружелюбно встретили в селе, но он продолжал шить на заказ. Тетя Настя не работала, она не успела до отъезда защитить диплом акушерки.

Страший сын Володя продолжил учебу в селе на польском языке. Тоня училась в польской школе. Сын Вася умер в Польше, а в 1934 г. родился еще мальчик, которого называли тоже Васей.

Крестная рассказывала: «Особенно тяжело на душе было, когда в России проходили праздники: 1 мая, 7 ноября. Играла музыка, шли колонны людей, пели песни. Ведь их от России отделяла только речка Збруч. В один из таких праздников Володя собрал ребят из села, сделали знамена красные и строем, с песнями пошли колонной по берегу в праздник 7 ноября. Конечно, колонну их разогнали, а Володю посадили на два дня».

В 1936 г. они задумали обратно вернуться в Россию. Во въездной визе им отказали. И они приняли решение бежать в СССР самостоятельно. Свой дом продали, купили другой, у которого огород спускался к речке Збруч, по которой проходила граница. Вычислили все до секунд, сколько времени часовой идет в одну

сторону, сколько в другую от их огорода. И вот 1936 г., осень. Семья из пяти человек переходит границу.

Если перешел хоть один шаг за середину речки, считается советская территория. Вся семья в речке, а Володя забыл свой велосипед. Он сумел возвратиться и взять его из кустов. Это единственная ценность, которую они привезли. На польской территории паника, стрельба, и на советской территории стрельба. Советский патруль вывел всех на берег и положил лицом вниз. Так они оказались на советской территории.

В России у них только мы родные были. Они приехали к моей маме, в Оренбург. А мама к тому времени решила уехать из Оренбурга. Она продает дом, взяла задаток за него и должна уезжать в город Новочеркасск, а тут приехала целая семья из пяти человек: Володе 18 лет, Тоне 12 лет и Васе два годика. Отъезд мамин временно откладывается.

Дядя Паня устраивается на прежнюю работу в артель «Швейтруд», Володя — в драмтеатр художником-оформителем. У всех детей Клепак был врожденный талант художника.

Володя знакомится в театре с Галей Цибульской. Галина мама работала на какой-то партийной работе. Ей не было 18 лет, и родители не соглашались на их брак. Молодые стали коротать время где придется на вокзале... Попали на заметку милиции, которая обязала ЗАГС и родителей расписать их. Володя стал жить у Цибульских.

Дядя Паня перед маем торопился закончить заказы. 27 апреля 1937 г. к ним в дом пришли сотрудники ГПУ. Машина «черный ворон» стояла в переулке. Зайдя в дом, они увидели, что он почти пустой. «Заканчиваете заказы?» — спросили они. «Заканчиваю», — ответил дядя Паня. «А мы пришли к вам с обыском», — сказали они. Дядя Паня несколько растерялся. «Пожалуйста, ищите», — сказал он. Но что там было искать? Они порылись в вещах, забрали мамин фотографии и религиозную книгу. Дядя Паня велели одеваться и вывели из дома. Посадили в машину и увезли. Больше никто его не видел, кроме Володи.

Оренбургским отделением «Мемориала» подготовлены к печати «Книги памяти» жителей области. Однако из-за финансовых трудностей издание откладывается на неопределенный срок. Предыдущие издания «Книги памяти» (1998–2010 гг.) были осуществлены при финансовой поддержке администрации области и частных пожертвованиях. «30 октября» публикует воспоминания Нины Котовой о своей семье, которые войдут в будущую книгу. Текст приводится в сокращении и без изменений стиля.

Были у дяди Пани старые хорошие друзья, портные. Возможно, с ними у дяди Пани был какой-то разговор, чем-то поделился? Но моя мама беседовала с ними позже. Они сваливали друг на друга. Возможно, кто-то из них и написал на дядю.

Дядю приговорили к 10 годам тюрьмы без права переписки. А это означало, как мы позже узнали, — расстрел. 29 декабря 1937 г. его приговорили к расстрелу, а 3 января 1938 г. расстреляли или в Зауральной роше Оренбурга, или на задворках кладбища.

Говорили, что где-то в 1942 г. поплыли трупы по Уралу. Эксперты определили по пулям в голову, что это трупы политических заключенных. Видимо, некоторые сохранились в песке. В Зауральной роше расстреливали их в овраге, который располагался позади дома отдыха КГБ. Этот дом снесли, ров закопали, поставили памятник всем погибшим и посадили березки, которые сейчас выросли. На всех березках теперь висят фотографии и надписи о расстрелянном. Мы тоже повесили фото с именем дяди Пани. Раньше все березки были заняты, а сейчас много свободных березок, нет родных.

Тоня и Вася

В июне 1937 г. моя мама уехала в Новочеркасск. Я и брат Боря остались с тетей. Крестная устроилась на работу в ту же артель «Швейтруд», где работал дядя Паня, — доделывала заказы, не оконченные им. Ей дали две комнаты в доме в аренду.

Перед школой, в августе месяце, мама прислала мне и брату на дорогу денег, и мы уехали в Новочеркасск. Крестная осталась с двумя детьми. Но вскоре к ней пришел жить Володя — мать Цибульской выгнала его из дома, не хотела иметь дело с сыном «врага».

10 ноября 1937 г. арестовали крестную. Посадили в «черный ворон» ее и двоих детей. Квартиру опечатали. Володя остался на улице. Крестную увезли в тюрьму, Тоню и Васю — в специальный приемник. Володе жить стало нелегко. Он ночевал на вокзале, где придется. Приходил к знакомым, но его не пускали. Боялись люди.

Отчаявшись, он пошел в ГПУ и сказал: «Мне негде жить, откройте комнату мамы или заберите и меня». Ответ: «Если надо будет, заберем». 19 ноября арестовали и его.

Тоню и Васю из приемника-распределителя посадили на поезд и повезли в Казахстан. На ночь их поместили в детдом Уральска, а утром повезли дальше. Ночью Васю разбудил сотрудник ГПУ на какой-то станции и стал высаживать. Тоня схватила Васю и не отдавала. Их еле-еле оторвали друг от друга. Сотрудник ГПУ сказал Тоне, что его поместят в детский дом на этой станции, что все детдома по возрастам. Остальных повезли дальше. Вскоре и ее высадили из вагона. Вокруг степь. Привели их к барак, который был огорожен колючей проволокой. Это был их детдом, в 12–15 км от Васи.

С Тоней в детдоме находились девочки: Алексеева, Каменева Инна, Ключева, Радионова Нюра. Родители их тоже были арестованы. Прожили они несколько дней, и Нюра Радионова говорит: «Здесь мы погибнем». Нюра и Тоня решили бежать в Уральский детдом, где останавливались по дороге на ночь. Задуманный побег легко осуществлялся, ими никто и не интересовался.

Они разыскали детдом, в котором находился Вася, и, когда подошли к барак, увидели, что он отодвинул доску в заборе и смотрит на дорогу. Девочки окрикнули его, но он не на них смотрел и ничего не понимал. Васю девочки забрали с собой.

Был уже декабрь, зима. Тоня и Вася одеты не по сезону, только на Нюре была шубка. Теперь уже втроем продолжали путь в Уральск, жались друг к другу и начали дремать. На их счастье, мимо проезжал мужчина на подводе и увидел детей. Они ему рассказали свою историю, и он их отвез в Уральский детдом. Заведующая оставила их, и там они жили до 16 лет.

Нюре Радионовой первой исполнилось 16 лет. Она уехала в Петербург, к тете, которая удочерила ее. Они скрыли, что родители Нюры репрессированы.

В 1940 г. Тоня приехала к нам. Вася остался в детдоме один.

Крестная

Крестной моей, Анастасии Аристарховне Клепак, в марте 1938 г. предъявили обвинение в том, что она не сообщила в ГПУ, что муж ее шпион, и отправили на 5 лет в тюрьму. Сидела она в Мордовии, в лагере на станции Явас. В лагере она занималась пошивом постельного белья, носовых платочков и т.п. В 1942 г. ее освободили. Куда ехать?

В это время мы были в оккупированном немцами Донцке. Единственно, куда она могла поехать, это к сыну Васе в Уральский детдом.

После освобождения из тюрьмы ей дали денег на билет, простыню и два носовых платочка. Кроме того, в лагере женщины заключенные распускали старые чулки и вязали кофточки для своих детей в подарок. По дороге в Самаре у нее украли узелок со всеми вещами, билетом, деньгами. Помог начальник вокзала, посадил ее в поезд до Уральска.

Когда тетя Настя пришла в детский дом, сын ее Вася (ему было 8 лет) учил уроки. Ему заведующая детдомом сказала, что приехала твоя мама. От этого известия он растерялся, пошел умываться, а затем тихонько вошел в комнату и остановился. Крестная заплакала и сказала: «Вася, сынок, я твоя мама». И они побежали навстречу друг другу с раскрытыми руками. Идти крестной было некуда. Она осталась работать в детдоме.

Она приехала с Васей к нам в Донцк, когда его освободили в сентябре 1943 г. В городе на работу ее не брали, направили в село Дмитриевка Волновашского района

Донецкой области. Там она стала заведовать медпунктом.

Вскоре при медпункте она организовала стационар на две койки. Ей стали выдавать продукты. Однажды она приехала к маме и зарыдала: «Таня, меня посадят, я съела пуд казенной муки». Никто ей никаких претензий не предъявлял. Время было военное, голодное, и селяне ее очень любили, приглашали в гости к себе.

Но 7 июня 1947 г. Анастасия Аристарховна умерла.

Васю моя мама забрала к себе в Донцк. Но вскоре прислала его к нам с Тоней во Львов. Ему было 13 лет. Это был 1947 г., трудные послевоенные годы. Тоня больше приспособлена к жизни, чем я. Жизнь ее научила выживать. Надо было Васю куда-то определять. В общешитии он с нами не мог жить. Свидетельства о рождении нет. Где взять? Ему 13 лет. В училище ремесленное принимают с 14 лет.

Сделали свидетельство о рождении, что он родился в Донцке, ему 14 лет и определяем его в художественное училище. Тоня нарисовала несколько пейзажей за него, и мы отнесли в училище. Его приняли.

Володя

19 ноября 1937 г. на улице арестовали Володю. Содержали их всех в сером доме. Заключенных иногда выводили во двор тюрьмы. Однажды на прогулке Володя увидел отца. На прогулке заключенные ходили в одну линейку, в затылок друг другу, руки за спиной. Двор тюрьмы маленький. Володя короткими перебежками оказался за отцом. В камеру, где сидел отец, вошли вместе. Они всю ночь проговорили под нарами. Это было последнее свидание отца с сыном.

Вначале Володю обвинили в том, что он взорвал железнодорожный мост через реку Урал. Но он никогда не ломался, его только ремонтировали. Потом следователь его обвинил в том, что пытался взорвать мост. Но и эта версия ничем не доказана. Последнее обвинение было: «помогал отцу в шпионаже». Осудили его на 10 лет с правом переписки. Работал на лесоповале. Однажды на него упало дерево, к тому же он обморозился.

О жизни в лагере они скупо рассказывали. При выходе из тюрьмы они подписывались о неразглашении жизни в лагере. Но тетя Настя маме моей рассказывала кое-что, а мама рассказывала нам. Питки применялись разные. Но жизнь есть жизнь.

После освобождения Володя приехал жить в село, где работала его мать, но нигде не мог найти работу. Устроился в клуб художником, потом директором клуба. Чиновники перестраховывались и увольняли его. Что делать? Хоть милостыню собирай. И он решил написать письмо Хрущеву. Я читала это письмо. Володе дали работу директором дворца культуры в городе Яма.

Иногда парни во дворце культуры что-то не поделят между собой, дело чуть до драки не доходило. В таких случаях Володя выходил и просил их: «Ребята, вы знаете мое положение. Если что-то случится во дворце, меня уволят». Они извинялись и уходили.

В 1955 г. Володя ездил в город Оренбург. Зашел к Цибульским (к первой жене). Дома была одна мать Гали. Она упала перед Володей на колени и просила прощения (то ли за то, что выгнала его из дома, то ли написала на него какой-то донос в ГПУ). Гадай.

16 марта 1965 г. Володя умер, ему было 47 лет.

Так закончилась жизнь старшего поколения Клепаков. Один ли Сталин виноват? Страшное это время было.

Александр РОЖДЕСТВИН,
Оренбург

Фото из личного архива Нины Котовой
На снимке: Павел и Анастасия Клепак

ДЕКАБРЬСКИЕ И ЯНВАРСКИЕ ХРОНИКИ

1917. 11 декабря (28 ноября по ст. ст.)

Был издан декрет СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции» (в день предполагаемого созыва Учредительного собрания). Декрет объявлял партию конституционных демократов партией «врагов народа». Ее руководители подлежали аресту и суду революционного трибунала. В официальную лексику был введен термин «враг народа». Впервые одна из влиятельных легальных политических партий (успешный конкурент большевиков на выборах в Учредительное собрание в Москве и Петрограде) объявлялась вне закона.

1932. 27 декабря

Постановлением ЦИК и СНК СССР в стране была восстановлена паспортная система. Единым документом, удостоверяющим личность граждан СССР, проживавших в городах, становился паспорт. Миллионы сельских жителей на долгие годы были лишены паспортов, без которых не могли никуда уехать, оказываясь тем самым прикрепленными к своему месту жительства и занятиям. Вплоть до конца 1980-х гг. паспортная система использовалась властями для ограничения конституционных прав на свободу передвижения по стране и на выбор места жительства.

1937. 8 декабря

Был расстрелян Павел Александрович Флоренский — священник, ученый и философ (с 1933 г. находился в заключении). Флоренский был осужден на 10 лет по ст. 58 пп. 10 и 11 («пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти... а равно и распространение или изготовление литературы того же содержания»). Сам Флоренский так обозначал свою позицию: «Развиваемое мною научно-философское миропонимание не совпадает с вульгарным толкованием коммунизма».

12 декабря

Состоялись первые выборы в Верховный Совет СССР, проводившиеся по сталинской Конституции. «Всеобщее, прямое, равное и тайное голосование», упраздненное первой советской Конституцией 1918 г., состоялось впервые после выборов в Учредительное собрание. Выборы прошли в обстановке массового террора: многие кандидаты в депутаты, а затем и депутаты, пользовавшиеся по Конституции правом неприкосновенности, были арестованы и расстреляны как в ходе избирательной кампании, так и после избрания в высший законодательный орган страны.

1947. 14 декабря

Было издано постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Реформой наносился удар по тем жителям СССР, которые не доверяли свои сбережения государственным сберегательным кассам. Эти накопления были практически аннулированы. 10 рублей в старых купюрах обменивались на 1 рубль новых. Переоценка вкладов проводилась по более льготным ставкам — 3 к 2 и 2 к 1. Срок обмена денег «по просьбам трудящихся» был сокращен до одной недели.

1957. 10 декабря

Альбер Камю произнес свою Нобелевскую лекцию, в которой определил кредо современного писателя в отстаивании человеческой свободы: «...роль писателя неотделима от тяжелых человеческих обязанностей. Он, по определению, не может сегодня быть слугою тех, кто делает историю, — напротив, он на службе у тех, кто ее претерпевает...»

В СССР текст лекции распространялся в Самиздате.

1962. 1 декабря

Н.Хрущев посетил Центральный выставочный зал Манежа в Москве. Глава партии и правительства обрушился с резкой критикой на художников-авангардистов. Существует версия, что появление работ этих художников в Манеже было расчитанной провокацией консервативного руководства Союза художников СССР. Однако последствия инцидента в Манеже вышли за рамки корпоративной интриги. Началась продолжавшаяся почти два года (до падения Хрущева) пропагандистская кампания против абстракционизма в искусстве, который был объявлен едва ли не главной идеологической опасностью.

28 декабря

Верховный суд Латвийской ССР вынес приговор участникам группы «Балтийская федерация», ставившей своей целью борьбу за независимость Эстонии, Латвии и Литвы и объединение их в федерацию. Членам группы удалось разработать устав организации и проект конституции будущей федерации. Восемь подсудимых (Айна Забака, Викторс Калниньш, Улдис Офкантс, отец и сын Янис и Дайл Рийниексы, Гунар Роде, Зиедон Розенбергс, Кнутс Скуениекс) получили длительные сроки лишения свободы.

1967. 2–3 декабря

В Ленинградском городском суде на закрытых заседаниях слушалось дело руководителей Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) — один из известных подпольных российских организаций постсталинского периода. Союз ставил целью свержение власти КПСС и построение социал-христианского строя на основе русских православных традиций. Молодые ученые Игорь Огурцов, Михаил Садо, Евгений Вагин, Борис Аверичкин были обвинены в «измене родине путем заговора с целью захвата власти» и «участии в антисоветской организации». Огурцов был приговорен к 15 годам заключения и 5 годам ссылки, остальные — к срокам от 13 до 8 лет.

Дело ВСХСОН получило широкую известность в СССР и за рубежом (программные документы группы и материалы суда над ее участниками неоднократно издавались и широко обсуждались в эмигрантской литературе) и послужило отправной точкой развития русского национального течения в советском инакомыслие. Руководители организации до сих пор не реабилитированы.

1972. 14 декабря

Решением Московского городского суда признан невменяемым и направлен на принудительное лечение Петр Старчик. Он был арестован за распространение анти-

коммунистических листовок (с призывом к свержению «диктатуры партии»). В спецпсихбольнице Старчик отбыл два года (1972–1974).

25 декабря

Был принят указ ПВС СССР № 3707–VIII «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия». Указ предусматривал, что «органы» могут выносить лицам, «действия которых граничат с преступлением», официальное предупреждение. Указ не был опубликован в открытой печати, но до середины 1980-х гг. постоянно применялся как мера психологического давления на инакомыслящих. Их вызывали для бесед, смысл которых сводился к тому, что за нежелательной общественной активностью может последовать арест.

Народным судом Октябрьского района города Улан-Удэ был приговорен к 5 годам лагерей ученый-востоковед, буддистский проповедник Бидия Дандарон. Он обвинялся в создании и руководстве «тайной буддистской сектой», что было квалифицировано по двум статьям Уголовного кодекса РСФСР. Дандарон умер в неволе в 1974 г.

1977. 8, 12 и 22 декабря

На Украине в рамках кампании по разгрому хельсинкского движения в СССР были арестованы члены Украинской Хельсинкской группы юрист, бывший политзаключенный Левко Лукьяненко (осужден на 10 лет лишения свободы в лагерях строгого режима и 5 лет ссылки с признанием особо опасным рецидивистом) и баптистский проповедник Петр Винс (осужден на 1 год). В Армении арестованы члены Армянской Хельсинкской группы дьякон Роберт Назарян и рабочий Шаген Арутюнян. Роберт Назарян был осужден на 5 лет лагеря и 2 года ссылки. Арутюнян — на 3 года лагерей.

15 декабря

В Париже в результате несчастного случая (существуют версии, что это было убийство) умер поэт, бард, правозащитник Александр Галич. В Советском Союзе он вместе с Булатом Окуджавой и Владимиром Высоцким положил начало новому жанру — «авторской песне». Некоторые поэтические формулировки Галича стали «паролями» диссидентов и критически мыслящей интеллигенции.

1982. 8 и 20 декабря

В Ленинграде был арестован член Совета представителей Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ) Лев Волохонский. СМОТ стал одной из попыток создать действительно независимый от властей профсоюз. Позже взяли под стражу еще одного смотовца — Александра Скобова и жену его друга — политзаключенного Аркадия Цуркова — Ирину.

1987. 10–15 декабря

В Москве состоялся международный общественный семинар по гуманитарным проблемам, организованный советскими правозащитниками Львом Тимофеевым, Сергеем Григорьянцем и Сергеем Ковалевым. Все трое недавно освобожденные политзаключенные. Многим приглашенным властью поехали приехать в Москву, тем не менее, общее число советских и зарубежных участников семинара составило около 400 человек. Чинились помехи в аренде помещения для работы семинара, ее пришлось вести на частных квартирах.

1992. 1–15 декабря

В Москве прошел VII Съезд народных депутатов России. Начало открытой конфронтации президента Б.Н.Ельцина и высшего законодательного органа страны, которая в 1993 г. привела к острому кризису.

1918. 18–19 января

(5–6 января по ст. ст.)

В Петрограде в Таврическом дворце состоялось единственное заседание всенародно избранного Всероссийского учредительного собрания — высшего органа власти в стране. Собрание провозгласило Россию федеративной социалистической республикой и отменило частную собственность на землю. Земля была провозглашена общенародным достоянием. Когда Собрание отклонило некоторые декреты, предложенные Совнаркомом, большевики покинули его, а наутро матросский караул предложил депутатам разойтись. В тот же день Учредительное собрание было объявлено распущенным, доступ в здание был закрыт.

1933. 7–12 января

На объединенном пленуме ЦК и ЦК ВКП(б) Сталин в программной речи впервые выдвинул тезис о том, что «уничтожение классов достигается не путем затухания классовой борьбы, а путем ее усиления», а отмирание государства тоже наступит «через его максимальное усиление». Эти тезисы в течение 20 лет служили идеологической базой массовых репрессий и постоянного наращивания численности и всеисилия органов госбезопасности.

1948. 13 января

В Минске по тайному приказу Сталина сотрудники МГБ убили еврейского актера и режиссера, общественного деятеля Соломона Михоэлса (убийство было замаскировано под автомобильную катастрофу). Сталин считал Михоэлса руководителем «антисоветской еврейской националистической организации», а евреев — шпионами. В условиях, когда СССР готовился к войне с США, они, по его мнению, представляли собой «пятую колонну».

1953. 13 января

Было опубликовано сообщение ТАСС о разоблачении органами госбезопасности группы «врачей-

убийц», якобы умертвивших руководителей ВКП(б) А.Жданова и А.Шербакова и готовивших убийство Сталина. Арестованные врачи «признались», что действовали по заданию зарубежных еврейских националистических организаций. Последнее громкое политическое дело сталинской эпохи. После смерти Сталина все, дожившие до этого момента арестованные по «делу врачей» были освобождены и восстановлены на работе. Было официально объявлено, что признания обвиняемых были получены при помощи «недопустимых методов следствия».

1968. Январь

Александр Дубчек был избран первым секретарем ЦК Компартии Чехословакии. Он начал демократические реформы с романтической целью — создать «социализм с человеческим лицом». «Пражская весна» вызвала огромный интерес у демократически настроенной интеллигенции в Советском Союзе.

12 января

В Московском городском суде завершился один из самых громких политических процессов 1960–1980-х гг. в СССР. Подсудимые — Юрий Галансков, Александр Гинзбург, Алексей Добровольский и Вера Лашкова — обвинялись в антисоветской агитации (ст. 70 ч. 1 УК РСФСР). Гинзбург составил и опубликовал за границей «Белую книгу» — сборник документов о суде над писателями А.Синявским и Ю.Даниэлем; Галансков составил и передал за рубеж неподцензурный альманах «Феникс» (1966 г.); Добровольский был автором одного из текстов, помещенных в «Фениксе»; Лашкова перепечатывала оба сборника для распространения. Кроме того, подсудимым вменялась в вину «преступная связь» с эмигрантской организацией «Народно-трудовой союз».

Галансков и Гинзбург не признали себя виновными, отстаивая свое право на свободу слова. Галансков был приговорен к 7 годам заключения, Гинзбург — к 5, Добровольский, активно сотрудничавший со следствием, — к 2 годам, Лашкова — к 1 году лишения свободы. Ход процесса и приговор вызвали беспрецедентную волну общественного протеста.

1973. 29 января

Киевский областной суд признал украинского ученого и публициста, члена Инициативной группы по защите прав человека в СССР Леонида Плюща невменяемым и направил его на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Сразу после решения суда началась международная кампания в защиту Плюща, которая привлекла внимание мирового сообщества к использованию карательной психиатрии в СССР. Плющ был освобожден из Днепропетровской спецпсихбольницы и в январе 1976 г. выдворен из СССР.

1983. 21 января

Московский городской суд приговорил к 4 годам колонии и 3 годам ссылки математика Вадима Анатольевича Янкова. Он обвинялся в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 70 ч. 1 УК РСФСР). Ученому инкриминировалась его публицистика, опубликованная за границей, распространявшаяся в Самиздате, хранившаяся в архиве автора.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством MEMO.PY

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие: Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Декабрь 2012 – Январь 2013. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно